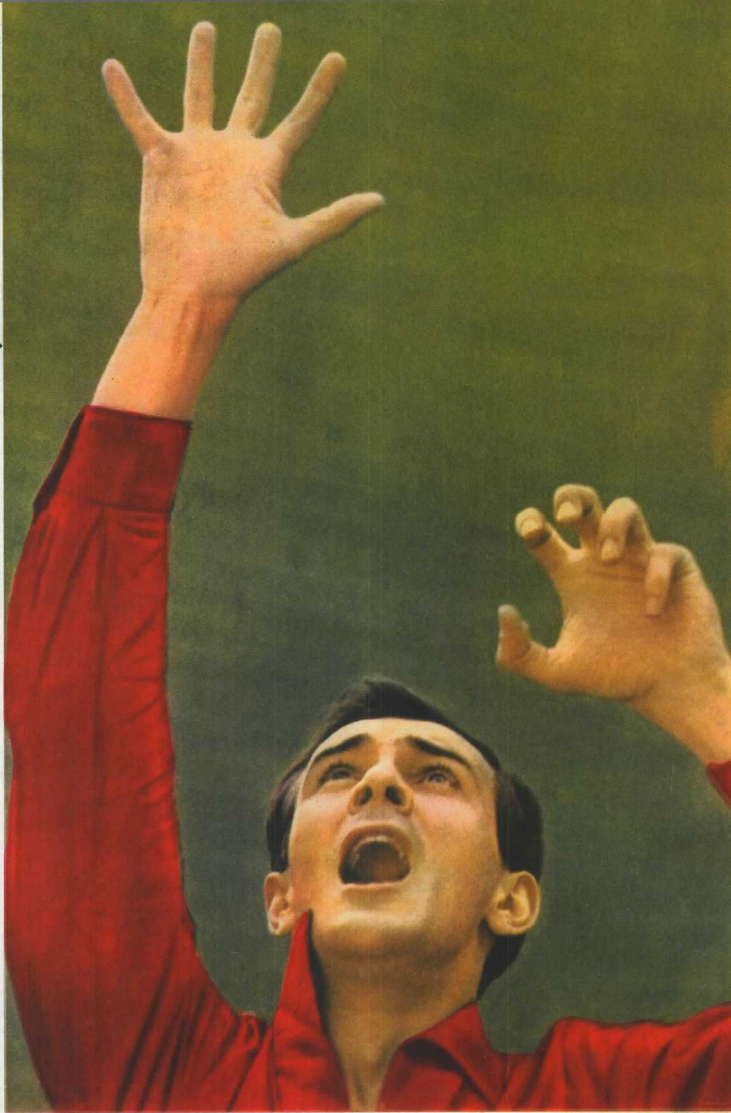

№ 20 (898) октябрь 1964

СМЕНА

«Старшина-сержант»—читателям «Смены»
СЕРГЕЙ АНОХИН. «МОЕ НЕБО»
Комсомольский костер в Кабилии
РАССКАЗЫ ЭРСКИНА КОЛДУЭЛЛА

СЛАВА ПЕРВОМУ В МИРЕ КОСМИЧЕСКОМУ ЭКИПАЖУ —

ВЛАДИМИРУ КОМАРОВУ, КОНСТАНТИНУ ФЕОКТИСТОВУ, БОРИСУ ЕГОРОВУ!

СЛАВА ВЕЛИКОМУ СОВЕТСКОМУ НАРОДУ — СОЗДАТЕЛЮ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ «ВОСХОД»!

ОТМЕНИ ПРАЗДНИКИ!

Наш корреспондент обратился к першому заместителю министра обороны СССР Маршалу Советского Союза А. А. ГРЕЧКО с просьбой ответить на вопросы, интересующие наших молодых читателей, особенно тех, кому нынче особенно предстоит впервые надеть военную форму.

ВОПРОС. Расскажите, пожалуйста, о наших Вооруженных Силах. Какова их структура? Об этом часто спрашивают наши читатели.

ОТВЕТ. Советские Вооруженные Силы ныне полностью соответствуют новому периоду развития нашего социалистического государства. Они располагают современной боевой техникой и оружием, имеют все необходимое для надежной защиты интересов нашей Родины, интересов Братских социалистических стран.

За последние годы в военном деле произошли коренные изменения. Они выразились прежде всего в оснащении наших Вооруженных Сил ракетно-ядерным оружием, в перевооружении войск новой военной техникой.

Основным, определяющим моментом в развитии наших Вооруженных Сил является создание по минимальной численности мощных ракетно-ядерных сил. РАКЕТНЫХ ВОЙСК СТРАТЕГИЧЕСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ. Они составляют основу военного могущества нашей Родины. Эти войска оснащены баллистическими ракетами с термоядерными зарядами огромной разрушительной силы.

Тому, кто станет военным ракетным войском стратегического назначения, предстоит очень ответственная служба. Его надо гордиться и делать все для того, чтобы как можно лучше выполнить свой долг.

Другим важным видом Вооруженных Сил являются наши СУХОПУТНЫЕ войска. За последние годы в численном отношении они весьма сократились, но боевые возможности их намного выросли. Основой их боевой мощи являются ракетно оперативного-тактического назначения способные наносить ядерные удары на большую глубину. В современных условиях их боевые возможности значительно увеличилась удельный вес танков с высокими боевыми качествами. Они обладают прочной броневой защитой, мощным огнем и подвижностью.

В составе сухопутных войск имеются воздушно-десантные части. Они способны успешно решать важнейшие задачи по разгрому противника в его глубоком тылу.

Важнейшую силу представляют ВОЙСКА ПРОТИВО-ВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ СТРАНЫ. Если ракетные войска стратегического назначения принадежит главная роль в нанесении ядерных ударов по агрессору, то войска ПВО должны защищать нашу Родину от воздушного нападения врага. Их основу составляют зенитные ракетные силы, взаимодействующие с новыми типами истребителей-перехватчиков.

Войска ПВО страны располагают в настоящее время необходимыми средствами для отражения и срыва ударов противника с воздуха и являются надежным щитом страны.

Коренные изменения претерпели и наши ВОЕННО-ВОЗДУШНЫЕ СИЛЫ. Они оснащены современными реактивными самолетами, в том числе сверхзвуковыми реактивными. Воздушные ракетосы способны наносить ракетно-ядерные удары по противнику с дальних расстояний, не входи в зону досягаемости его средств противовоздушной обороны.

Нашим Военно-Воздушным Силам способны решать боевые задачи как по нанесению ударов по объектам в глубоком тылу противника, так и непосредственно на полях сражений.

Совсем новым стал ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ. Основная его задача — борьба с кораблями противника на море и вблизи Наряду с тем на флот возложена защита морских коммуникаций, оказание помощи сухопутным войскам в ведении боевых действий в прибрежных районах. Основу могущества нашего Военно-Морского Флота составляет подводные лодки, вооруженные ракетами и торпедами с ядерными зарядами. В строительстве Военно-Морского Флота большое развитие получила морская ракетноядерная и противолодочная авиация.

В войсках и на флоте широко внедряются радиоэлектроника, вычислительные устройства и машины различных типов и назначения. За последние годы и наших Вооруженных Силах достигнуты крупные успехи в области комплексной автоматизации и механизации управления ракетами, самолетами, подводными лодками, боевыми кораблями, войсками в целом.

ВОПРОС. Товарищ маршал, в связи с бурным развитием техники, широко внедрением в Вооруженных Силах «уникальных» устройств некоторые люди высказывают мнение о том, что роль человека в войне в какой-то степени принизалась. Что вы об этом думаете?

ОТВЕТ. Действительно, техника у нас совершенна. Тем не менее в военном деле человек остается главной фигурой. Мы не можем само принизаться перед техникой. Поэтому каждый молодой человек, которому предстоит пойти в армию, должен стремиться стать хорошим специалистом, достойным защитником своей Родины.

Надо иметь в виду, что боевая техника и оружие создается людьми, трудом больших коллективов. Сконструировать новый образец оружия, люди испытывают его, совершенствуют. Наконец, это оружие получают в пути в жизнь. И слова ни управляют люди — командиры, специалисты, подготовленные специалисты. Сотни военных специалистов имеются в армии и на флоте.

Таких образом, как бы ни развивалась и ни совершенствовалась техника, человек в военном деле всегда будет играть решающую роль.

ВОПРОС. В армию каждый молодой человек приходит с какими-то наклонностями. Один любит спорт, другой увлекается живописью, третий — литературой. Многие читатели, которым предстоит служба в армии, интересуются, спорт ли они занимают любимым делом, каковы общие условия их службы. Не могли бы Вы сказать несколько слов об этом?

ОТВЕТ. Для юнца на первом месте всегда должна быть служба. Вместе с тем военная служба открывает перед ним широкие возможности для общего развития. Советский воин живет богатой в идейном и культурном отношении жизнью. К его услугам клубы с библиотеками, Ленинские комнаты, спортивные площадки, стадионы. По распорядку дня, принятому в Советских Вооруженных Силах, солдату и матросу каждый день отводится достаточно времени для использования его по своему усмотрению.

Особенно любят в армии спорт. Для занятий им созданы самые благоприятные условия. Недаром спортсмены Вооруженных Сил неизменно добиваются немалых успехов на всесоюзных и международном состязаниях. Более 400 воинов в 1964 году получили звание мастера спорта. Молодежь имеет в армии все возможности для дальнейшего физического и культурного развития. Я уже не говорю о том, что воинские подразделения кадетов и молодых людей идейно, расширит их общий кругозор, поможет овладеть техническими специальностями.

ВОПРОС. Что бы Вы могли посоветовать юношам, которым предстоит служба в армии?

ОТВЕТ. Как можно лучше подготовиться себе и выполнить почетного воинского долга. Для этого у нашей молодежи есть все необходимые условия. С помощью организаций ДОСААФ молодые люди могут заранее подготовиться себе к службе в Вооруженных Силах, изучить хотя бы одно отрасль военной промышленности, начальные практические навыки обслуживания техники. И, понятно, надо хорошо подготовиться себя физически, стать сильными, ловкими. Тогда и служба в армии сразу пойдет легче, войска успешнее выполнят свой долг.

В заключение хочу передать всем читателям «Смены» пожелание больших успехов в жизни, в учебе, в работе. А тем, кто уходит в армию, — отличной службы!

СЕГОДНЯ ЧИТАТЕЛИ «СМЕНИ» ПРИНИМАЮТ ВОЕННОГО ГОСТЯ — ЖУРНАЛ «СТАРШИНА-СЕРЖАНТ». ЭТОТ МАССОВЫЙ ИЛЛУСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ПОЛЬЗУЕТСЯ БОЛЬШОЙ ПОПУЛЯРНОСТЬЮ У АРМЕЙСКОЙ И ФЛОТСКОЙ МОЛОДЕЖИ, У ТЕХ, КТО ЕЩЕ ТОЛЬКО ГОТОВИТСЯ К ВОИНСКОЙ СЛУЖБЕ. «СТАРШИНА-СЕРЖАНТ» ОЧЕНЬ МОЛОДО. ЕМУ ЧЕТЫРЕ ГОДА, В ОКТЯБРЕ ОН ОТМЕЧАЕТ СВОИ ПЕРВЫЕ ЮБИЛЕИ: ВЫХОД ПЯТИДЕСЯТОГО НОМЕРА. «СМЕНА» ОТ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЕТ СВОЕГО ВОЕННОГО СОБРАТА И ЕГО МНОГОЧИСЛЕННЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ С ЭТИМ ПРАЗДНИКОМ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ОЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП(С)**

Год издания сорок первый
Выходит два раза в месяц

ОКТАБРЬ
1964

(898)

ОТ ТОКИО ДО МЕХИКО

Виктор МАЗАНОВ

ПЛАН — МИРОВЫЕ РЕКОРДЫ

Каковы мои спортивные планы на будущее? Тренироваться, тренироваться и тренироваться. Без в моем виде плавания советские клоуны еще отстают от лучших мировых результатов. И для того, чтобы в 1968 году сравниться с сильнейшим, нам придется за четыре года сделать много. Я говорю вам, потому что уверен, что вместе со мной будут готовиться десятки молодых пловцов. Что ж, это только к лучшему. Сильные конкуренты заставляют работать серьезнее и тщательнее. А для уверенного выхода в ряды сильнейших нам необходимо иметь не одного-двух лидеров, а два-три десятка. Когда на каждом соревновании у нас станут появляться новые «звезды», таким «ветеранам», как я, придется больше думать о своей подготовке. Мне кажется, наше плавание уже идет по этому пути. Раньше (два-три года назад) у нас в различных видах было по одному лидеру, теперь же — я имею в виду прошедшее порвенство страны — в

каждом виде появилось по несколько сильных спортсменов. Особенно приятно, что в большинстве финальных заплывов победили 14—15-летние юноши и девушки, результаты которых мало в чем уступают достижениям взрослых рекордсменов. Они лишь первые вестники успеха после прорывной системы подготовки в плавании. Мой тренер Алексей Иванюков Корнеев, которому я обязан всеми успехами в спорте, зарекомендовал мне в 1968 году следующие результаты: 100 метров на спине — 59,0 секунды и 200 метров на спине — 2,08—2,09. Эти результаты значительно выше существующих сейчас мировых рекордов, и если не я, то кто-нибудь другой из советских спортсменов достигнет заметных рубежей. В этом нам помогают и тренеры и специалисты. Раньше многие клоуны скептически относились к указаниям врачей-физиологов, считая их по меньшей мере странными, а теперь врачебный контроль показав

ся на деле. Особенно характерным является низкий олимпийский сезон. Наши сильнейшие клоуны готовились по двухконтинентному плану, по которому вышена спортивные формы достигались дважды: в конце мая — июня и перед Токио. Так все оказалось и в действительности. Это еще больше убедило спортсменов в могуществе мелководья. Как мне кажется, во всех видах плавания к 1968 году мы сумеем добиться таких же результатов, какие имеют сейчас наши брассисты.

С большим нетерпением я ждал стартов в Токио. Ведь это первые большие международные соревнования в моей жизни. Помимо чисто спортивной стороны, многого жду от встреч со своими новыми знакомыми из других стран. От своих старших товарищей — участников предыдущих олимпиад — я знаю, что на них царит атмосфера дружбы и товарищества. А ведь это очень важно.

РОЖДЕНИЕ ПРЕТЕНДЕНТА

ФОТО В. ТЮККЕЛЯ

Несколько лет назад, вскоре после Римской олимпиады, команда ватерполистов Московской университетской прелевала за границей несколько матчей с сильнейшими зарубежными командами. Это было обычное турне, но в иностранной печати появились сообщения о том, что Советский Союз начал обогнать команду образца 1964 года.

Этим летом в нашем водном поло случилось «ЧП»: олимпийская сборная, составленная из сильнейших игроков, была расформирована за проступки, порочащие честь и достоинство советских спортсменов. Родилась новая команда, в которую вошла талантливая, техничная молодежь.

Так волею случая оправдались предсказания зарубежных обозревателей: косяки команды составили студенты ИГУ, выступавшие под флагом московского «Буревестника» (их пятеро из одиннадцати членов сборной), а возглавил ее

«студенческий тренер» — заслуженный мастер спорта Александр Юльевич Кистяковский.

Пессимисты, а их покачало было немало, сокрушались: за короткий срок боееспособный коллектив создать невозможно, команда развалится от «дуновения» первого же сильного противника. Что ж, и Венгрия, и Румыния, и ГДР считаются в ватерпольном мире фаворитами, однако наша молодежь осталась равнодушной к их авторитету и сравнялась с опытными мастерами на равных.

Из десяти международных встреч на высшем уровне — восемь побед, одна ничья и лишь один проигрыш, да и то «с помощью» необъективного судьи. В общем, пришлось любителям прогнозов заново составлять свои «гороскопы», а пессимисты были вынуждены признать свое поражение: коллектив «получивший» год назад.

Сам А. Кистяковский, правда, избегает давать какие-либо обещания на бу-

Донна ДЕ ВЕРОНА

ПЯТЬ МИЛЬ В ДЕНЬ

Как я готовилась к Олимпиаде? Тренировалась дважды в день — утром и вечером, 3,5—4 часа, проплывала в общей сложности около 5 миль.

В Токкио предполагалю принять участие в соревнованиях на дистанциях 100 метров на спине и 400 метров в комплексном плавании.

С каждым годом плавание завоевывает все большую популярность. Ореода вывод: чем больше массовость в этом виде спорта, тем выше результаты. Но абсолютные рекорды в плавании — дело далекого будущего.

За счет чего будут достигаться высшие спортивные результаты? Можно указать на несколько моментов. Например, занятия плаванием в раннем возрасте. наилучший возраст для начала тренировок, очевидно, между 10—11 годами. Разумеется, спортсмен должен научиться плавать значительно раньше.

Плавание нужна общефизическая подготовка, в частности занятия спортивной гимнастикой. Упражнения на параллельных брусьях, перекади хорошо укрепляют и развивают мышцы. Можно, конечно, применять и многие другие спортивные снаряды.

Одним из важных факторов дальнейшего развития мирового спорта вообще и плавания в частности является проведение большого количества международных соревнований по всем олимпийским видам спорта. Эти состязания целесообразно проводить в пятилетние годы, по типу матчевых легкоатлетических встреч СССР — США.

Шарли СТРИКЛЕНД ДЕ ЛА ХАНТИ

ПОБЕДА КУЦА НЕЗАБЫВАЕМА

Готовясь к своим последним олимпийским стартам в Мельбурне, я усердно тренировалась в течение многих месяцев подряд. Мои спортив-

ная «специальность» — бег на спринтерские дистанции и 80 метров в барьерах. Вегетарию подготовку проводила на пляже океана, бегала кроссы по песчаным холмам и дюнам, выполняла различные беговые упражнения, необходимые и в барьерном беге. Так как на западной побережье Австралии, где я живу, в то время не было стадиона с гаревой дорожкой, за месяц до начала Олимпиады я выехала в Мельбурн для специальной подготовки.

На моих последних Олимпийских играх в Мельбурне я участвовала в трех видах — 100 метров, 80 метров с барьерами и эстафета 4 × 100 метров, — поэтому мне не удалось посмотреть многого.

Однако я присутствовала при победе Владимира Кудца и великолепно проявил себя, оказавшим зрители после победного финиша. Он стартовал как раз перед моим выступлением. Его бег произвел на меня огромное впечатление.

Сейчас мне тридцать восемь лет. Я мать четырех детей. Но по-прежнему занимаюсь легкой атлетикой и играю в спорте (бразильские игры с ракеткой и мячом). Естественно, мои тренировки не несут того напряженного характера, как в период подготовки к соревнованиям, но, во всяком случае, помогают мне постоянно поддерживать хорошую спортивную форму. Кроме того, я тренирую девочек и юношей.

Для взаимопонимания и дружбы, а также для дальнейшего развития личных контактов между спортсменами необходимо чаще проводить различные международные соревнования. Австралия находится в очень невыгодном положении, так как далека от мировых спортивных центров. Поэтому у нас не хватает опыта международных состязаний, что отрицательно сказывается на результатах наших спортсменов.

дущее. «Предсказывать пока трудно» — вот вполне определенный смысл его предольных высказываний. Зато (а такое не часто бывает с тренерами, даже находящимися в более лучшем положении) он не сомневается ни в одном из отобранных одиннадцати неизвестных. Каждый хорош по-своему, а все вместе — это команда международного класса, во многом превосходящая свою незадачную предшественницу.

Теперь остается ждать вестей с стонической воды; будем надеяться, что они окажутся радостными. Ну, а если дебют не получится — не беда, выразась словами самого Иствудского: «В любом случае советские ватерполисты останутся в выигрыше, создав основу молодого состава сборной СССР, которая будет бороться за победу во встречах с сильнейшими командами мира».

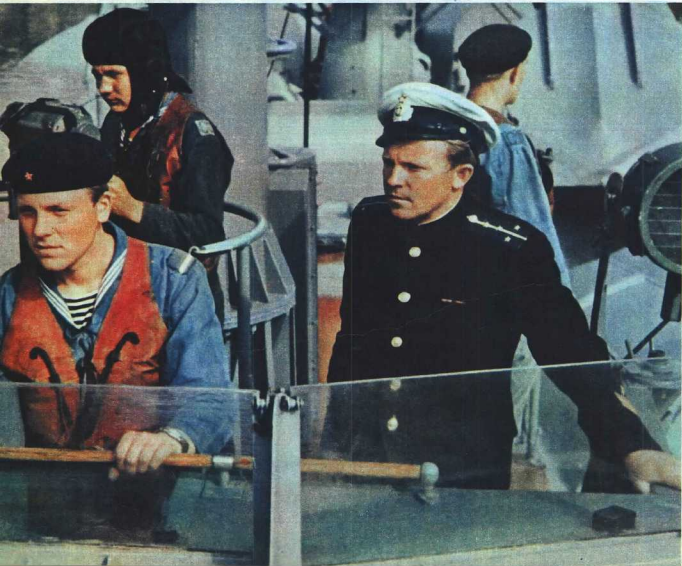

Ватерполисты, как и вся наша олимпийская сборная — единый, сплоченный коллектив.

Ракетчики сурового края

Инженер-капитан второго ранга В. МИЛАНОВ

Фото автора и капитана второго ранга М. ОЛЕСИКА

Упрямый ветер бьет в лицо, выжимая слезы. Быстроходный катер легко поднимает под собой волны. На встречу летит море.

Среди гула моторов трудно расслышать голос командира катера. Но я все же узнаваемо, незаносное название бухт, именуемых губами, поселков, островов Заполярья. Мы идем в отдаленную базу.

Крутой поворот. Будто вырастая из воды, быстро надвигается на нас скалистый берег. Кажется, мы вот-вот врежемся в скалы... Неожиданно перед форштевнем раздвигаются гранитные стены. Еще мгновение, и, сбавив ход, катер идет по узкой губе.

Уже закреплены на пирсе швартовы, подана сходня, а я как зачарованный продолжаю оглядывать бухту. Вокруг — многометровые отвесные граниты. На зеркале воды — боевые сооружения нашего морского истребителя. Порывистые и грозные в море, сейчас они непривычно инертны. Но даже здесь ощущаешь их огромную мощь.

...Ракетный катер. Совсем недавно он занял место в строю боевых кораблей. Небольшой юркий ракетноосец оснащен самой совершенной техникой, мощнейшим оружием. Образно говоря, это — плавающее царство электроники, автоматике и телемеханики. Радионавигационные станции и счетно-решающие системы в любую погоду могут далеко за горизонтом найти цель и вывести катер в атаку, произвести пуск ракет и обеспечить губительный огонь зенитных орудий.

На берегу знакомлюсь с

Скоро атака. Катер выходит на цель.

хозяевами малышей, но грозных морзялей.

Но сначала о самом берегу. Признаюсь, я забыл, что попал в царство ежовых спиц и ледяных ветров. Здесь, на самом краю нашей Земли, где, по меткому выражению, «делать месяцев зима, оставшие — лето», я ожидал увидеть все что угодно белого медведа, пугу в августе, — только не футбольные и волейбольные батальоны на хорошо оборудованных спортплощадках и не кафе с отечественными эстрадными оркестром.

В горючие огромной популярности пользуется истрское кафе с юмористичными названиями. Сиджу, не поправляя души: оно мо-

жет занять достойное место даже в Москве, на улице Горького. Современная мебель и оборудование. На стенах расные панно, выразительные фрески. И все — дело талантливых матросских рук. И тому же, говоря словами известной поговорки, «заба красна не только «углами», но и «фирмой». В кафе большой выбор блюд. Есть и «фирменная» — колоритная. Подается бесплатно. А с весны в кафе можно будет отведать свежих огурцов и помидоров: строится теплица на гидропонике. Вот так медвежий ирак!

А несколько припоздно рассказы Вилена Лондона. Его герои один на один бо-

ролись с суровой и безжалостной природой, стонически выносили тяготы залюленной жизни. Но всегда и ввиду оставались героично-единичными, стремившимися к личному благополучию. Иное дело — наши советские парни. Хотя большинство морских проводит здесь считанные годы воинской службы, каждый старается оставить добрый след на этой земле, в жизни людей Заполярья. Мне рассказали, как в канун Дня Военно-Морского Флота сороси мориков совершили пятнадцатый шлопочный агитполход. Под парусами и на веслах они проплы 150 миль! Где только не побывали катеринки, выступая с концертами и

докладами! На рыбообмонтаже, у ракооткиров и пинеров, на траулере и плавбазе.

День катерников начался заредко до подъема военно-морского флага: сегодня ракетные стрельбы.

Плываю, будто створка гигантской раковины, приоткрылась крышка ангара. Скопившиеся над катером, натруженная рука подъемного крана потянулась за ракетой. Береню, без малейшего толчка крановщик поднял грозный снаряд. Плываю обводы корпуса, дающие откиннутое назад

Тягательно готоват крылатый снаряд ракетки.

стволовидные оперение чуть поблескивают лучом солнца. Камелет, еще снуная, и ракета ринется ввысь. Огромная ее разрушительная мощь, изумительная точность попадания. А ведь на каньдочм катере их несомно.

Снаряд остороно опускается на параллель пусковой установки. Командир боевой части прыжки и мексикону. Морские «четко выхлопляют командира» закрепляют трос, удерживающий снаряд, отдают траверсу. Ракета плавно скользит в ангар. Всего несколько минут — и снаряд замирает на месте.

— По местам стоять, со швартовов сдвинуться! — приказывает командир.

Вот и море. Волны наваливаются на катер, кривят с борта на борт. Нет труда изумительным «чем шитормова вахта. От резких взлетов и падений захватывает дух, пощажает под лопачкой. Голова наливается свинцом. Каждый шаг, каждое движение дается с трудом. Но все идет нормально. В радиорубке настороженная тишина. Тускло мерцают шкалы радиостанции. В наушниках — коварный писк десятков, сотен передатчиков. Снеды хаоса звуков нужно не пропустить: нортные сообщения, посланные только тебе, твоemu кораблю.

— Есть! Наши позывные! Точным движением руки сделана подстройка. В уши ударил пулеметная дробь «морзянки». По фумам не поймаю крандаса. Цифры, Россия цифр. И за каньдой — оправданный смех, лесный только своим. Здесь цифра — абсолютная точность.

На брание командир! Получившиеся данные, пристально вглядывается в шкалы. Снаряды, прицельно мастера сейчас зависит от скорости, катер ищет нужды ей наветру.

Вот у края индикатора меленькую пятнышко.

— По пеленку двадцать, дистанция... Цель! Донала! Ракета радиометрист.

Учебная боевая тревога. Учебная боевая тревога. Катер поднят нос, будто пытался выскокить из воды.

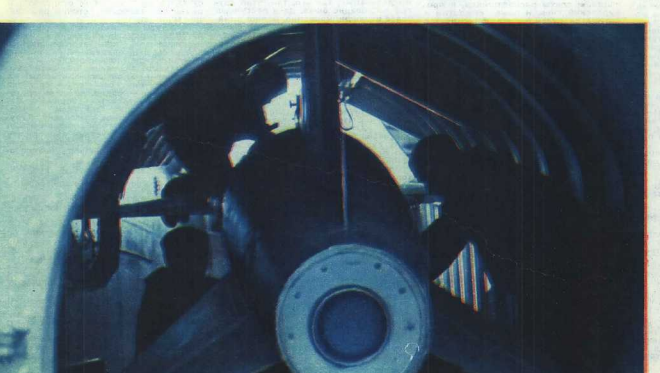
— Принять целеуказание! Следить точно — одно за другим следуют приказания.

Занаканчиваясь последние приготовления к стрельбе. Поднимаются крышки ангаров.

Первая — товска! Первая — старт! Командир нажал кнопку. В тот же миг с корабля завалился огненный смерч. В толстые стекла рубки ударили — расклеванные газы. Остатки след, ракета стремительно уносится вадаль. Прильнув к индикатору, радиометрист наблюдает за полетом крылатого снаряда. Две ярки точны на зрание неумоимо сближаются. И вот уже они слились воедино. Цель — поразена!

...С высоты суровых прибрежных скал смотрю на унюю плоскую воду. Снорю опята в путь. Густо извержить отсюда. Невольно вспоминается стухатх влоспоси-северморца.

Ветрами обстреляны ватники и даль, нас вперед манящая. Так вот она где, романтика. Невдуманная, истощаю...

Нина ГРЕКОВА

Не пижоны вы,
Россиане.
Неполитны вы,
как марсиане.

О, как ходите вы, нежно-нежно —
переростками —
как агатаи,
перуанками —
как логами...

Вы пройдётеш
двухсоткушам
вдоль по скверу,
И как вдоль по просеке,
и у первой хорошей девушки
вы на память или попроще...
Ах вы, Аида, Ружая Аида!
Вы не Аида,
Вы Аэлита...

Ходит девушка вместе с вами,
ходит девушка вполне такое писанье. И
что все их бессонные ночи у костра,
большие и малые радостки, победы и
поражения, все, что пережито и что
пережито ими на таком клочке земли
у синей Оды, ничего не стоит без
этого писанья.

В это томе пошла, когда спустя
много месяцев пришла в Московский
горном комсомола. И еще я пошла
тогда, как много может горном. Если
горном думает. Если горном в чем-то
по-настоящему заинтересована.

Вия почти все студенческий отдел:
Мазев, Крениндин, Тиц. Они обраца-
лись внимание на «статья». Они
придавали им очень большие значе-
ние. Я заглянула в них. «Наука и тех-
ника, история спорта и знания, внут-
ренняя и внутренняя политика,
театр, кино и живопись, история ми-
ра, жизнь великих людей и литерату-
ра области знания, хорошие зна-
мые комсомлы. Комиссар обаян сам
уметь все делать. Он задарный спорт-
смен, азартный болельщик, неотом-
ный танцор, певец и музыкант. Он
умный и справедливый человек и фан-
тазер».

Комиссар отравил меня тех, кто
отвечает перечисленным в «те-
стак» требованиям. Наш студенческий
отдел разослал их по всем московским

Лодка старой была,
и случалась беда,
сквозь дырявое дно
заставила вода...
Но выжить не спасла ее —
необорот
оттолкнул ногами в водоворот...
И встает ее весла,
как подбитые крылья,
и клочок воды

в ее сдвоенном крике.
Ей тоскливо от туч,
отраженных в пучине,
обомшихся,
как затопленных суда...
Далеко-далеко
уплывай мужчины,
а над лодкой стоит
голубая вода...

вузам. В этом году отрывався 23 та-
чичек лагеря, 2 тысячи ребят, много
говоря, оздорников, вывозим летом из
Москвы. Опыт наших первых Robinson-
ов — комиссаров из Буковского —
берем за основу.

Всю работу возросшие секретари при-
дирчиво искали комиссар среди бу-
дущих энергетиков, конструкторов
строителей, Горном собор семина-
ры. Готовились к бою московские сту-
денчество, 200 комиссаров уезжали на
летний фронт.

А год назад их было только се-
мь. И их институтская жизнь инкогда
пришло не перенеслась с педаго-
гиков. И когда сидели они вперёд ко-
стра до пяти утра, то никто не мог
им помочь — ни Маргарита ни Кор-
чак, ни Слеснев. Доглянул костер.
Где-то рядом в шепелелась темнот-
е, являл собой зяблянка Ока. Пережи-
вались дачные парочки. Храпели по
сплои палаткам огоспелые. Сомеро
молот надеяться лишь на себя. Сомеро
ребот обьявлял.

— А это твоя Треша.
Опшюк суммунур, делат, распе-
лал, синтезунур, и получаетесь вслед
одно: надо уметь понимать ребят,
с которыми вознилась, и надо очень
много знать, чтобы они это точно по-
няли. И не только поняли, но и нау-

Все началось с письма в редакцию областной газеты некто дел назид. Письмо
лежало верным в оверной папке, предназначеной для литературного консультанта.
Бромясь в глаза круглые, старательные школьные буквы: «Мне платящий лет,
меня зовут Нина Грехова.»

Небось перелет тем бривеала пуги, и дорою в пригородной поезде, указанный в
обратном адресе, замаск, автобус не ходил. Вместе с полком Александром Кужю мы
встали на лжи и отправляли на поиски школьницы, в стихах которой, при всех явных
погрешностях, по нашему общему мнению, было «что-то».

В последующие годы Нина и я много читала, занималась в любительном, и
продолжала складывать стихи, началась зарплата печататься. Ей удалось тростельные
миниматоры о вещах — например, о старом карандаше, который хотя и «ростом мене
стал в три раза, но пишет тише не хуже, чем новый, кулевный чераз».

Но, видимо, кратчайшей и лучшаяш путь не устраивал Нину. Газ, и
третий она все начинала снова и по-новому. Слово бы отказывался от всех внешних
закономерий, оставая неизменным лишь одно — какому-то особую внутреннюю трепет-
ность, присущую ее стихам с самого начала.

Может быть, и нынешние стихи Нины не во всем совершенны, может быть, и
сейчас не все концы сложится с концами в так называемой «образной системе». Но
для меня совершеннейшее, то, что Нина пишет, — это ее стихи.

Мне остается добавить, что концы Нины сложились неслучайно: она перенесла сер-
ьезную болезнь, победить которую удалось лишь с помощью сложной операции. Сейчас
Нина — студентка Новосибирского педагогического института. Ей 23 года.

Вот, пожалуй, и все. Теперь пусть говорят стихи.

Новосибирск

Илья ФОНЯКОВ

Шиповник

Я рву шиповник,
отрываю розу.

Адрож цветы в моих палачах исколотых...
Не бойтесь, гаупсте, и
вы остаете

Правда, ему не до вас
он занят,
сидит лохматый, как леший,
с черными пальцами

в карманах
с подбородком голубоубишим...
Он лохтем размажет
тушь ал, воду ал,
не догадается,

что это роза.
Он будет курить
и думать до одури
и мимо окружи бросать.

Но однажды, уже под утро,
он встанет,
неожиданно,
как будто от ног отвыкший,
и вдарит нас граненым

зеленым стаканом
увидит нас, невозвратно понижших.
Он вам укажется,

он к вам шагнет,
возьмет вас в ладони,
обудет пепел

и, может, подумает:
«Вот какой!
Такое счастье —
и не заметна!»

И я вижу. Хотя Страна топчется на
асфальте, изборовав, как ходит по
лесу с ребятами Труша.

Остановившаяся. «Слышите?» Все
замедли. «Наши отшибы» оба-
та стоят как исполненные. «А отя, слы-
шите, отключается. Пойдем, посмотр-
им, только тихо». Все кружится. Зна-
ете, кто крадется? Сашка Андрейн кра-
дется. Тот, кто главный крадется. «Может»,
крадется. Птичку посмотреть. Те са-
мые от которых шаркаются ножками
обычных людей, которых на лущен-
ный выстрел не подпускают к школь-
ной самостоятельности, которых на
спорт смотрят лишь издалека и на
которых школьные законы смотрят
под одним углом: как бы чего не ста-
диль. Большая голова Труша. Вот уже
тридцать год он главный комиссар в
трудном детском лагере под горо-
дом Мухомским.

— Сколько песен можно запомнить
одни человек? Труша знает их не мень-
ше, чем ты!

— А про сериюную музыку нам
распеваешь? Про ту музыку, которую,
считается, дети не любят? Рцы откору-
т. Труша обещает, вопросы задают,
переспевает.

Удивительный стих человек, и
откуда только такие беруси!

Только солнце, да сосисы,
да снегов полог...
Я лечу научной бездомной,
по лесу...

Я еще к любви не привыкла,
к той любви, что между людьми.
На сосне чей-то добрый выколот
и вапсисом о любви...

Этот лес,
откровенный и горький,
на меня роняет иголки
и шепчет-шепчет мне ветками,
темными предвзвешенными
и светлыми...

И все плохое
во мне теперь —
и вату по лесу,
солнечному и голоду,
и кланяется мне
лохматый репей,
покойный на твою полову.

Радуга

Ах, как вдоль по речке
привадрала ливень!
Разбросалась плазжика —
кто куда!
Что же ты не прываешься
от летящих линий?
Что же ты вакурилась?
Вот чудак!
На колени острые
оседают локти.
Что же ты горюешь,
мама не привыла!

Закликает камуля
у зеленой лодки,
да аскает, как ружь,
два больших васа.
Да вот этот ливень,
гукади да везомой,
занесло на берег —
этот
шутак...

Что же ты задумался,

человек веселый?
Ты смотри, какая
радуга-дуга!
Как она, красная,
светится сквозь капля!
Как она расцветает
в самоцветы каминя...
Тоамо ты уходишь
и ничуть не каешься,
будто уплываешь
краешком воды.
Подумаю поближе,
послежу на камуля,
поляжу, как тянут
за тобой сады.

Вот уже растаял...
Вот и ты растаял,
и закрылась радуга
солнечной фатой...
Это ты, задумчивый,
на песке оставил
знаки интеллигентные,
смытые воды!

Мне нравятся веселые бузны,
которые расбирает без плава,
и только их,
стена за бузны,
притягивает губулина.

Нам ничего не надо
в этом царстве,
где небо заволакивает слана,
где выгнулись голыевые цапы
среди мочушек розоватых спиш.

Нам душно здесь,
как будто здесь Сахара.
Но хавает воздух
(кремом для загра?)
Они идут по ладу,
словно боты,
и крохалки легки и одлобки.

Они идут к сосне
у горизонта,
туда, где в травках
копоятся ивчака
и красной мяк,
горький, словно солнце,
бросает парно

И все для них:
и влажное блаженство
волос, тухлых с лагушью спиш,
и редкость обманливого жеста,
и зов незапренной девочки...

Венера

В море купалась Венера —
боты вадала прямо с леба,
да вытаскивала Венера по-шучью,
и занесла в море пощечины...
И привадула кару богине:
отомали ей руки вады,
наведя,

чтобы не гордалась
и для прихотей привадула,
Ой, Венера.

Улысь свою гордость,
покорись, Венера, богаты!
Но она уходила, не горбась,
и стекала кровь по бокам...
Ей смеяться абласт:

и образумится
и вернется назад —
образумится

Но она уходила, узнича,
и вела ее трава...
О, зачем вам все бессмертная,
непринутая нагота?
Уходила она пресветлая,
и сива ей темнота...
А за нее пошучивали,
и смыкались за нее она.

Почуду серого гуиса
на губах ее пламенали...
Есть у света колос, наверно,
где кончатся все тревопы,
где кончатся все дороги
стоном рашеных лебедей...
Где ты ходишь одна, Венера?
Прости людей!

Вот и дошли мы наконец до горькой комсомолы. Здесь, в Жуковский, школьным отрядом ваводит Коля Ниселев. Но его, конечно, в горькое не пускают, индетром до бабаса, и Колюшко кабинету тинуют дорожной ражаска дещочка.

Человек тинует до нас уже тинувшие в зангирту Колуну дива.

Все лето, — сказал Славя, — в ваком-нибудь дворе сегодня площадку строили Колюшки.

Интересная получается вещь. Три года назад легкая авашла из этого кабинета. Третья лето Славя Коновалов и Сергей Труш работают в этом «трудных» детым. Второй год возут на берег Ойи своих подопечных на МБУ ииерм Баумана. Привозят в Московский горком за спитом бесполовые люди из других городов. Все их связывает идея. Идея привела меня к этим дверям, и только теперь узнаю, что вышла она именно отсюда и принадлежит, следовательно, Коле Ниселеву. Идея давно живет сама по себе. Идея материализуясь, собирает своих сторонников, складывает противников...

В Москве однажды строили такой эксперимент. Собирали ребят, стоящих на учете, в дневной лагерь при Дворце пионеров. Делает по повалели. Развеликали но всех сил. И кружили, и

тагане на пародах, и басыен — и все бесластво. Но в конце месяца приващ детским работником ходить по домам, угваривать: «Походите еще хоть несколько дней, ведь уплаченое!» — Аплатеные, злые дети! — возмутились устроители. Потаначеный собак привезли — они табак персылали, собиасе снй собиасе. Появились гигантский акаварий, рыб диковинных, а вода своего одного столучи...

— Все правду, — сказала Славя. — Тот же плочер Колюшкин затеял наших ребят не возмещет. Собаза эта оно, он зивет. И к вапиркуму подлин, что это удивило. Вот и спышет он табак дещать, ливай вапшек, на млякене не проведешет. А вот когда ему в руки дашь обманливого доску, что бы из нее кемаяк сделал, а он и рубашку-то в рукаж срочу не держал, по все не проидет по этой доске и удивленно гудеет русий: «Гладко, сморит на, мору!» И тогда ой во эту смеямо, сам смеястер и вобьетazole всобойбашной пашонки, попорую встанет, — тогда на нее ливай Бежиное дело — трута... До слез дохидило. Детский сив. А видл все стоит на учете. Сашку Андреева выволал. Замечте! Да ребит — железный авторитет. Как же, с большими людьми по

ровал. Сейчас — опора наша, коммундир отделени. Любое дело поучи — будет сделано. Подобрал себе одних людрен. Посмотрела бы, как в сохоях работают.

Видно, хорошо надо знать историю нечел, что «Мокош», повозавивас с деской, сделала отпирение: обструганная даравава, кончатся радость, и, видимо, надо быть значительным человеком, чтобы однажды подошел и тебе гордым, маленьким человеком, и цинично сплинуло, будто это ему ничего не значит.

— Славь, Славя. Сейчас завлазал. Ниселева все нет. Сидит на диване пересиде его диваро начальские лагери Сива Коновалов, дознаывает непоходимость ломать рекомендованные схемы.

Абачная лагерь их не беру, бесножно. Ведь там просто: за аборз загляни, по поттердам распахали: «Витишь, лоты, чиройтисе оделам!» Вытнугайт, уберышатся. А между тем, работ нашного стурметис чувство ответственности. Доску у аборз вырвали, бросили. Пришел плочер. Опять вырвали. Опять прибол. Плочитину дельти паплет, а из ребит обделанным расту. Обделаны ижеме нас варенек в отахонили.

Ниселева вольно? Зря. Он сейчас

Все мне кажется,
не было
этих пасмурных дней,
переливавших таболо
доброту твою.
Осыпавшие ветки
дождевые снега.
Оседают под ветками
навсегда навсегда.

Все понятно,
все правильно,
и не стоит гаулить.
Идет жить, очень праведно
и тебя не любить...
Не отступай от поезда,
не уеду всерьез...
Отчего же так божно
среди беахх берег?
Отчего это веточка
так дрожит на стволе...
Может быть,
это весточка
о немачи твои?
Может быть, ты отчалась,
да не можешь прийти...
И деревья кокачуются
у меня впереди.

в ЦК комсомолы начит вавшого лагери обобщиваево дознаывает. Чтоб, значит, послушали.

Значит, все-таки получается. Сначала здесь, в Жуковский. Потом в Мосине. Теперь по Союзу. Раскодиася кругами идея Коля Ниселева. Свершешествуется. Стабиизируется. Масштабируется. Помает голова над муниими нескладными судьями студентами, комсомольскими секретарями, инструкторами и радике педагога. И еще немало вранит при этом. Но, конечно же все помуйт, что нумен «трудных» детым интересной азрослий.

Таной, чтоб уеат с ними работать. Таной, чтоб уеат разговаривать. Справедливый. Знающий. Умный. И фантазер.

А в лесу, под Жуковскийм, бегают по лагерию сив, стоят, прислонившиеся к палаткам, тихие колюшкинские, летают шмели.

Придет тогда нибудь такая весна, и разведет руки Коля Ниселеву.

— Негого поспалать к тебе в лагерь, Славя. Нет в Жуковскийм «трудных» детей.

И снимает Сива Коновалов, механик из Жуковскийго.

— Давая мне тогда интудудных. Их никл ведь тогда лодет надо.

Придет тогда нибудь такая весна.

ни шли по проспекту Металлургов, троих парней, без девушек, а кругом голые параны, все параны — было начало марта, и, хотя снег еще лежал белым ковром, не тая, зрели запахи весны.

Они вышли так, пошатываясь, может, завести знакомства, проводить — а что? — или и ругались.

— Грудная у нас, парин, работа, — говорил Виктор и цинично тонием мягкие усмехи. — Горняк! Сколько ночей подряд, мне снится, что я горю. И тушу на себе огни, а Забава стоит и хохочет. Подлый человек, хоть и дядя двоюродный.

— Не удавайся ты Любима Игнатьича, — тихо сказал Готья.

— Я, Готь, уважаю тех, кто меня уважает, и наоборот.

Саша схватила его за руку и заплела назад.

— А если, — сказал он сухим быстрым шепотом, — а если... тебя вражине какой-нибудь зауважат?

Виктор легко высвободил руку, помыслясь:

— Вражине меня не зауважат, я сталевар, бригадир. Я люблю тех, кто меня любит, и наоборот. Вот как-то скажа.

Готья покраснел и сказал:

— Это не скажа, а философия.

— Моя философия, как говорится, на данном этапе с Сашкиной не расходится. Он ведь тоже сердит на Забаву. Нам на ремонтх вон как туго приходится, а свое изобретание Забава не продвигает.

— Слушай-ка, — сказал Саша серьезно и мирно, — он, может, боритс! Ну... боритс, а!

— Какая там боритс! Да он и не боритс. Просто это долгая история с мороками, заботами. Зачем это ему, коль скоро на пенсию. Обыватель.

— Не обыватель, — тихо и упорно сказал Готья. — Врешь ты, Виктор, на Любима Игнатьича.

Саша усмехнулась грустно, хлопнул Готью по плечу, задержал ладонь.

— Кажется, не врет. Когда человеку ничего уже не хочется, когда он всем доволен в жизни, — это обыватель.

— И-и-и! — подхватил Виктор, занялся и бледнел; бледность, казалась, залепит ему глаза. — И... когда он занимается светостовом и прочей арундой. Кто просил его вмешиваться в нашу жизнь и святая мама!

— Они шли по проспекту. И уже темнел вечер. Пары гуляли, обнимались.

— Эх, беспросветная наша жизнь! — сказал Виктор.

— У тебя же есть девушка, — сказал Готья.

— Что? Что? Погорячилась — Виктор расхохотался. — К черту проблемы, ребята. В «Урал» хочу, вот что!

Кругом за столами пили бесшумно, с удовольствием, Готья же — серьезно и трудно, и официантка обратила на него внимание, сказала ему мимоходом что-то веселое, не очень внятно. Готья только разобран, что она назвала его мальчишкой, и обиделся, стал следить за ней недружелюбно. Но успокоился, когда услышал, как она одному вовсе не молодому мужчине тоже сказала «мальчишка».

Хмельел он впервые, и хмельать было приятно.

— Хочу познакомиться — обьявил он вдруг и поклявшись, тронулся между столами. Он настиг официантку возле буфетки, откуда она доставала палмросы и спички.

— Красивая! — сказал он, пытаясь поймать ее быструю руку.

— Знаю. Хорошо, хорошо.

Готья почему-то обиделся.

— Я знаюш, кто? Сталевар. Вот... философия...

— Уходили они злопадно. Готья остался ее ждать.

Она вышла с подружками.

Готья напряженно глядел на нее, и она остановилась в растерзанности. Потом решительно шагнула и Готья. Глаза ее были уставшие, с тяжеловатым синим туманцем.

Он сказал трезво и ласково:

— Я знаю, какая ты хороша!

— Меня зовут Нина, — ответила она.

Он проводил ее до дому. Вместе они поднялись на третий этаж, и она показала свою дверь.

— Если хочешь, можно постоять. Хоть и усталая, джджжжж ноги не держат.

Они спустились на площадку ниже. Здесь был уютный, теплый полусвет.

— Ты часто провожаешь девушек?

— Не очень. Вот... первый раз.

— Понятно, — сказала она, потихоньку смеясь. — Парни подругают-подругат, а потом говорят: выходи за меня замуж. Говорят же?

— Не знаю.

— Понятно, — сказала она. Голос у нее был тонким после долгих слез. — Не всегда говорят. Редко говорят. А девушки... Наверно, каждая ждет, что однажды появится такой... ну, как Иван-царевич, и позовет. Например, мой знакомый. Знаешь, как зовут? Дамир. Это по-татарски. Я знала его Димой, и он сердился. Ну, это неважно. Он все говорил: погоди, заживем здорово. А сам завербовался куда-то на Север, в лесприхоз. Я ему еще телеграмку писала...

— Это, конечно, правильно, — сказала Готья.

— Эх, какая у меня была жизнь! — вздохнула

она. — Мне было так трудно, так трудно... А одна быстро устешь. Правда?

— Правда, — сказал Готья. Но он этого не знал и не понимал, почему же человек остается один. Всею дорою до обжечитки он шел пешком и думал: «какая у меня была жизнь!» — сказала она. Вот и Забава часто говорит о прошлой своей жизни и вздыхает. А у Готьки нет еще этой самой прошлой жизни. Неужели и он однажды покажуется? Не-ет, он сам устраивает себе жизнь, без разных там покровителей. Правда, Любим Игнатьичи и ребята учат его ремеслу. Он знает, чему учиться! А чему хочет научиться Нина у своего... Ивана-царевича? И почему человек остается один? Почему? А он... он не останется один! Никогда! На работу назначает работу и жилью и еще по-настоящему не знает, что за люди его товарищи новые. Про себя он называет старшего сталеваара Забаву умным, Сашу мечтателем, а Виктор злым...

Почему человек остается один?

О следующей встрече они тогда не договорились, но встреча, к радости Готьки, произошла вскором. Она пришла к воротам четвертой вахты и стала его ждать.

— Ты зарпосто могла не встретить меня! — го-

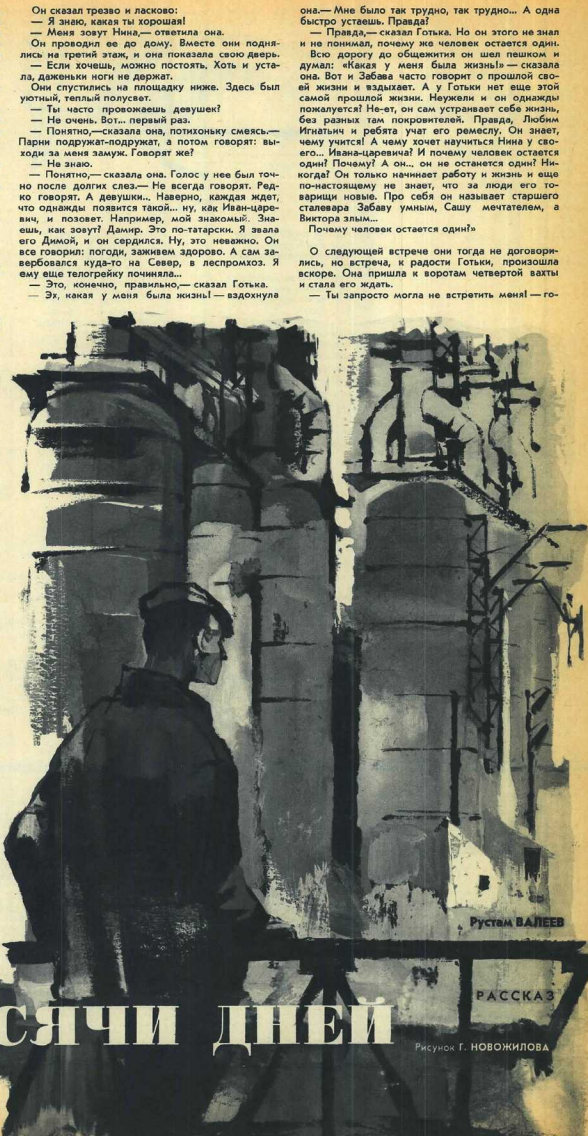

Рисунок ВАЛЕН

РАССКАЗ

Рисунок Г. НОВОЖИЛОВА

НАТЯСЯЩИ ДНЕИ

ворил Готька, свесив всем своим крепким, загорелым на огне лицом.—Ведь парни все города ратуют на комбинате! Хорошо, хоть у нашей аэмы ждана!

— Конечно, это смешно,— сказала Нина,— я и сама понимаю.—Потом ты добавила:—Меня ведь работы ушли много. Не что. Понимаешь, ни за что. Подумай, ушли тебя, и все уладится. Как у уладится!—Она улыбнулась губами.

Готька растерянно оглядел ее всю — в легонькой яркой шапочке, в легоньком, выше колена платье, в Ботинках с тусклыми на морозе застежками.

— Я не знал, я не знал,— повторил он мягким, виноватым голосом.

— Как я тебе все за руку, повел по площадям. Это была широкая аэмовы площадки, без тропинок и дорожек, все равномерно уоптанная и казавшаяся одной могучей тропой, которая вела рабочих людей города к огню работы.

Готька шагнул, крепко стиснув узкую маленькую руку, часто и тревожно взглядывая на Нину, и она казалась ему очень усталой, более усталой, чем отстоявшие смены люди.

— Как я помню тебе!—думал Готька. Он вспоминал и никак не мог вспомнить, чтобы когда-нибудь он вырвал человека из беды.

— Нет, это никак не годится!—сказал он вслух.

— Да чего же права,—сказала Нина жалобно.

— А у меня что?

— Какую ты права!

Он остановился.

— Ну, никак,—сказал он.—У меня... обязанности.

Она медленно, неверяще покачала головой.

— У меня обязанности,—думал Готька,—если ее начальник станет на всякие там инструкции нажимать, я ему тоже скажу. А что! Он имеет права, а я имею обязанности,—помочь человеку!

Собственные мысли понравились ему, и когда подошли к трамвайной остановке, он тряхнул ее легкую руку и решительно сел в трамвай.

— Ничего! Ты позвонь домой. Ничего!

Он хотел было прямо дунуться в ресторан, но подумав, все-таки завернул в общежитие и перешел к делу для порядка.

— Да вы что, кто, собственно говоря!—спросил худой лысый человек, директор, когда Готька сказал, зачем он явился.

— Посторонний, допустим.

— Посторонний не имеет права вмешиваться!—обидовенно сказал директор.—У нас заведение все-таки.

— Заведение!—сказал Готька.—Заведение! Я на государственном предприятии работаю. На мировом гиганте.

— Между прочим,—заметил директор,—мировой гигант —старо. Когда-то это звучало...

— Звучит,—уверенно сказал Готька,—для меня звучит —мировой гигант!

Позже Готька рассказывал ребятам, какой это был решительный, смелый разговор.

— Если бы ты не любил, то не решился бы на такой разговор,—заметил сказал Виктор.

— Не ты же тот любил, а ты только,—кончал головой Саша, хоршо глядя на Готьку и пожимая ему руку.

Но Готька решил, что прав, пожалуй, Виктор, потому что, честно говоря, другого объяснения он и не хотел.

Как он сидел в трамвае!

Он выхлудил из общежития, и тут же за углом, счастливо потопившись в очереди, сел бы ему в трамвай. Но он быстро, почти бегом шел к месту через Урал и останавливался, восхищенный.

По ту сторону реки, за домами и над домами, подымалось розовое живое зарево. Он думал тогда, забывая всю неутоимость утраченного роддома, что — ой ты! —как это славно подыматься именно в зимнюю ночь! Ни в какие иные часы дня и ни в какие часы мая, августа, ноября не бывает зарева таким. Как о городе, как об улице Готька мог сказать о нем —«любовь, потому что в зареве было и его плеча».

Готька не слезая проходил длинный мост и все делало, все глядел на зарево. Парни он бросал бежать и, шумно дыша, вваливался в трамвай. В трамвае бывало тепло, светло, весело. Сердце Готьки было часто, хорошо-тревожно, и ему казалось: ты не от горячего бже, а так и делано одно нечто, его сердце, пока нехотел по рельсам, греть, трамвай, пока радости люди.

Он ехал и вспоминал, как заметил в самый первый миг Нину, как потом стоял с ней в полуосвете лестничной площадки, как она мечтала об

Иване-царевне, как после разговора с директором говорил ему: —

— Ну, конечно, как впрямь. Тебе очень можно верить! С тобой не всю жизнь будет хорошо.

Как-то они бежали с мороза к ней в комнату, бесприсчно смеясь и радостно задышавшись, с размаху прыгнули на диван и замерли об

— Значи,—сказала она вдруг,— вот мы пожимались, а ведь я... нечестная.

— Ого!—рассмелся он.— Скажи еще, что ты злая, обидчивая, дурная.

— Не понял,—тихо удивился она, подымаясь и глядя на него, как старшая.

«Действительно, ни черта я не понимаю,—думал Готька,—да и зачем мне это понимать!»

Забавя шаг из душевой, Готька затарогился к нему наустречу.

— Женился я, Любим Игнатьич!

— Неплохо, считаю я, неплохо,—сказал Забавя.—Только как у тебя, все честно!

— О чем вы, Любим Игнатьич!—бледнея, спросила Нина.

— Я в том смысле, мол, зарегистрирован брак!—Ковачичич обидчиво воскликнул Готька.

Забавя чуть улыбнулся. Ну, а ребята встретили Готьку новость с лихим одобрением.

— У меня будет жить. А я к ребятам в общежитие,—сказал Виктор.

Готька отмахнулся, говорил, что, мол, ладно, зачем, он и сам дождет его квартиру. Но Виктор же, упрямо держал его руку, и глаза его злились, точно он затеивал драку:

— Нет, ты скажи.

Через два дня Готька с Ниной переселились в домики на окраине. Была немногочисленная, но хороша свадьба. Например, Виктор сидел рядом с Любимом Игнатьичем и много, легко смеялся.

Виктор, всякий раз встречая Готьку, брал его жестко ладонью за шею, притягивал к себе и спрашивал:

— Ну как!

— Ничего, живу,—отвечал Готька.

— Живи!—говорил Виктор.— Ты тихий человек, тихонько учишься у друга, и все у тебя получается спокойно и правильно.

Это сердило Готьку.

— И ты учишься тихонько.

Разговор дальше не заходил, может быть, потому что человек, сидевший за столом Виктор считал, видимо, делом ненужным. Но зато каждый разговор его с Забавой грозил разразиться ссорой.

— Нет,—напирал Виктор, зло сверкая глазами на дядю.—Тамева работа! Ничего, скоро на пенсию пойдем!

— Я знаю, чего ты на меня сервишь,—смирно и задумчиво говорил Забавя.—Мать-то у тебя доброй души человек. Она, соорзани, двадцать восемь годов осталась с тобой после мука, от тебя есть твою. Горяюшка горячего хлебнува. А теперь почему ей не пожить! Как человеку, почему не пожить! И человеку,—который теперь ее муж, а его зять! Я ведь... люблю...

— На черта зять заболел!—кричал Виктор.

— Вот как обращаешься!—удивлялся Забавя.—тебе что, дурочкин племянник! Ма-ладенька! По правде говоря, кабы не смирный я, с кулаками бы полез. А я какой был! Приехал строить мировой гигант против отцовской воли. А отец приезжает через месяц, на квартиру шел, вызвал меня и выкорчил. Покинул! Несмотря на то, что я у Хабилуши Григунюлы в бригаде состою. Он мировой рекордсмен был по укладке бетона. По словам с ним только современный интелл Юрий Бласов мог бы сравниться. А отец выпорил меня. Я его зять. Правда, он вернулся в деревню. А так ничего, утар хорош и Барак попер...

— Вам он второй родной сын, мировой гигант!—сказал восхищенно Саша.— Это у Бориса Рувьева все есть... И он стал декламировать:

Мы живем, подпольно,
в этой злой подпольнице
из холодной подпольницы
и подпольнице.

На сотни колоколов,
на тысячи дней
везелась земля
осталась о ней!

Он придвинулся к старшук.

— Да, какие вы! Ну что, совсем плохие? Ведь мы, Любим Игнатьич, такие... что уходить от вас нам некуда. А вам,—он улыбнулся дружески,—незачем нам пороть, как вам... папа.

— Папа-а!—протянул Забавя.—Слово-то нежное. Я так и не прозвал.

— Ты же не прозвал.— Саша поблелел,— никак не называл. И не помню. Потому что...

Готька в таких разговорах не участвовал. Старик был его учителем —дважды, трижды!—потому что все, чему учился Готька у Виктора и Саши, поучился у старика.

По рассказам одноклассов старшего сталеваора он знал, каким был в молодости Любим Игнатьич. Знаменитый бетонщик на стройке, а потом подучный сталеваора, сталеваор. Знал себе цену, запросто зажимал с претемниками, соватами к директору комбината.

В войну, когда люди просились на фронт, он прямо заявил: «Вы бы хотите, а я не пойду. Врежь от меня, как в брешь давай!»

Про то, минуящее, не получалось у него интересных рассказов. Иногда лишь, проходя с парнями по городу, останавливался аргумент и скажет:

— Давненько я не поднимался на Атач. А ведь, бывало, выйдешь из барака и скорей на работу. Любил я на город сверху глядеть. И с того бока и с другого!

— Ты же не стоишь по две минуты Любим Игнатьич! Хорошо, когда носился по площадке перед разевающимися пламенем, и Готька любил видеть его там. Но... пугался видеть, когда тот жаловался пражине свои годы.

— Трудно я жил, ребята. Вам так же не жаловался.—Трудно.

— Ох, ненавижу!—возмущался Саша.— Ненавижу, кто жуеался! Моей, воля была, трудно. Ну пусть я не стою по две минуты у течи! И вообще, Любим Игнатьич, вы что, как награду за прошлое принимаете осторожнью, благополучнью жизни!

— Наградят ЕСТЬ у меня награды. Орден Владимира Ильича Ленина, за трудовую доблесть мадам...—доблест!

— Любим Игнатьич!—подхватывал Саша.— А знаете, какая была бы доблесть, если бы мы динулись вша изобретений! Это же для всех мертвоуша для людей...

Забавя молчал.

— Злой я,—говорил вдруг Виктор.— Злой. И мириться с тобой хочу, и сомневаюсь я в тебе. Мне вон ребята говорят: путавшея, мол, в женском. А я кого мне учиться, если не у тебя!

— Злая бы ты была, если сорок четвертом, не сомневался бы,—отвечал Забавя.

Готька вышел из проходной, и широкая, белая от снега земля простояла перед ним. Он покосился от него прямо, налево и направо. По площадке никто не шел, и Готька дунулся краем, мима здания заводоуправления.

Он сел в веселый трамвай, и ни одна печальная мысляшка не посмела подступиться к нему. Водитель объявил остановку «Коттеджки». Еще несколько шагов, и Готька дома.

Он взбежал на кирпичные крыльцо, нашарил над дверью ключ. Включил свет, замкнулся, постоял, взволнованно отгваив ногами ленивое тепло, запах негорячей извести. Потом выбрал из этих запах набранный заплата пудры, оделонка и открыл газет.

Он открыл газету, он поставил на электроплитку чайник и, сев на краешек койки, стал ждать Нину. Ресторан закрывается в одиннадцать, пока Нина едет в каску выручку, соберет со столов посуду и сквертит, пока дождутся и останутся, а потом—от «Коттеджки» до калитки и постоят, будет двадцать.

Он поднялся и выключил плитку.

Он начал задумываться, когда услышал быстрый хруст по снегу, толчок в калитку, скрипение на крыльце. Он открыл глаза и понял, что не слышал ни хруста, ни толчка в калитку. На часах было двенадцать.

В двенадцать минут первого он забеспокоился, стал торопиться вставать. Пройдя до трамвайной остановки, постоял минут пять, не раздвываясь. Потом опять вышел.

На той стороне улицы возле палисадника стояли двое. Они стояли не близко друг от друга. Он держал ее за запястье правой руки. Они не отстранились, но и не приближались к нему.

«Это не она!»—подумал Готька, повернув назад, за калитку. Потом он медленно отходился, пощипывая с крыльца, вставая в дом...

За синей майкой, он вернулся в дом.— Он резко обернулся.

— Ты... пришла,—сказал он, растерянно радуясь.

СТАРШИНА-СЕРЖАНТ

ТЫ НЕ БУДЕШЬ МОИМ!

Полковник Д. ПЕХУОВ

Мы вдвоем. Я, прибывший в город С-нск по редакционному заданию, и Юрий Смоляк. Он служил на флоте. Демобилизованный. Живет у матери, имеет работу.

— Хочу излить вам душу,— говорит мой собеседник.— Момент, вы присутствуете, помолчите. Ему лет двадцать пять. Полноватый его подбородок тщательно выбрит. Легкая выщипанная черная борода. Начали понемногу отступать от верхней линии лба.

Юрий подает написанный лист бумаги, спрашивает: — Могу ли с такой характеристикой принять на завод? Читаю:

«ХАРАКТЕРИСТИКА

на матроса Смоляка Юрия Васильевича, 1936 г. рождения, русского, образованные средние, члена ВЛКСМ, в ВМФ с 1958 года.

За время пребывания в... (указан номер части) матрос Смоляк Ю. В. показал себя недостаточно дисциплинированным военнослужащим. Имеет ряд выписок. Специальность знает хорошо. Технически грамотен... Но из-за низкой сознательности к делу относится в зависимости от настроения. Внешне опрятен, подтянут. Уставы знает, но выполняет их недостаточно старательно. Требует за собой постоянного контроля... Характер раздражительный, вспыльчивый. Грб, несдержан в обращении с товарищами, старшинами. Политически грамотен, систематически читает газеты, журналы, художественную литературу. В общественной жизни участия принимает слабое участие. Морально устойчив. В быту скромно.

Военную и государственную тайну хранить умеет.

Старший лейтенант Федюнин.

— Не бластная характеристика,— говорю.— Как же вы слушаете?

— А что, хотел злиться? Видно, кому-то не нравится... Но, как складывалась ваша флотская служба? — Хорошо, рассказываю обо всем, раз пришел и вам сам. Я занимал первый курс военно-морского училища. Первая на второй. Был помощником командира курсантского взвода, старшиной второй статьи. Но один случай испортил все... В воскресный день по уполномоченной я пошел в город. Душево мне съездили ли в Ленинград, и бабушка! Поехал на электричке. Бабушка меня угощала обедом. Две пол-литра купила. Ну, конечно, мы выпили (кроме бабушки и меня, был еще один человек), и я пошел гулять по Ленинграду. Чтобы не поспать, избегаю на улицах патрульных. И вечером собрался уезжать обратно. Взял билет. Всею в вагон. Народу мало. До отхода электрички оставался пять минут. Я поспойню бесозвучно на полку для вещей, сам вышел на перрон. Стою, курю. Задумался. Вдруг двери вагона автоматически закрылись. Я бросился в полуоткрытое окно вагона. Случайно разбил стекло. Поблизился автоматический патруль. Я пытался вбежать в вагон. И тут откуда ни возьмется командантский патруль. — Что вы делаете? «Ты пьяный». Появил меня в военную комендатуру. В первом же кабинете на грам. было объявлено blanket увольнительных записок, подписанных командиром роты. Назавтра прибывший из училища офицер взял меня на комендатуру. А завтра в разговоре в матросы и отчисление из училища. Срон службу в нем не засчитают.

Там, в части, начали меня воспитывать. В моих отношениях со старшим лейтенантом Телешенком, заместителем командира по политической части, появилась неприязнь. Мы не любили друг друга. Вот вам пример. Часта наша стояла в нескольких десятках километров от города. В июле два матроса устроили мушкетерские в город. Мы отпразднили туда во главе со старшим лейтенантом Телешенком. Подъехали на автобусе к стадиону. Один матросам заполнил разрешений стоять от автобуса, другим — нет. Почему, не знаю. Я возмущен. Соехал с автобуса и отправился за своим другом матросом Волошиным. Старший лейтенант расценил это поступком как невыполнение его распоряжения. Потом комсомольская организация разобрала мое поведение. — Правильно! сделала,— замечаю по ходу рассказа.— При не вижу, чтобы и вам «спридрились». — Не видите? Пожалуйста, вот еще... Началась демобилизация матросов, отслуживших срок. Уехали в запас лучшего моего друга матроса Волошина. Спрашиваю у командира: «Почему же меня вместе с ним не увольняют?» Отвечает: «Придет и ваша очередь». Тогда я попросил, чтобы меня отпустили проводить друга до станции, которая находится в нескольких десятках километров от части. Не разрешили. Ничего не оставалось, как подевать командировочное предписание. На станции ждал на прощание вывели пол-литра минер. Я опоздал на обратный автобус. Меня забрали в комендатуру и послали на гаиуштакту. Разве не обидно?

— Вы же комсомолец, Юрий. Неужели не понимаете, что доставляю мне неприятности и командира и коллективу, а значит, и вредную службу несете не так, как подобает. Юрий не отвечает на вопрос. Смотрит, префронтально улыбаясь, идиотствует, «я и нему все душой, а он мне мораль читает». И тут мне вспомнились другие люди, с которыми пришлось познакомиться во время командировки... Леонид Кузьмин — старший сер-

жант, комсомолец. В армию пришел, мант за плечами значило механика-соединения. В бригаде полевой штаб работы — был бригадиром тракторной бригады. Он отбыл освоил военное дело. Унес слуха полтора, стал отменным радиомехаником в войсках ПВО. А когда воевал, воевал в секретарь комсомольской организации Леонид Кузьмин сказал ребята: почему вы мне не бросите ручку? — Какой? — спросили те. — Мы не знаем. Ведь если по-дучится нам следуют, можем и за темными прощальными, достаточно думурить на улице своей.

Друзья уехали за книги, скемы, чашками, прощальными и радиостанцией. Вскоре сам Леонид и был другим сержантом в Копен. И Юри и другие слали изманы и были допущены к самостоятельному дежурству в сменах за техником.

Там же, на Севере, я познакомился и с прославлен, сержантом Владимиром Полюховым — токореиз из цеха коммунгностического труда, а котормым нам он сказал, «работе трудится прямо как в шестой бригаде». Я спросил у Владимира: трудно ли ему было поначалу, когда пришел в армию?

— Не понимаю тех, кто говорит об армии как о каком-то пугале,— отвечает.— Никаких трудностей я не заметил. Ведь главное то, как человек относится к делу, к установленным порядкам. Пылтывали и целеустремленными, Владимир за первые четыре месяца службы став специалистом третьего класса (хотя для этого требовался год). Еще через четыре месяца — специалист второго класса. Отделение Владимира Полюхова стало лучшим в части.

И скоро хочется вернуться к истории с Юрием Смоляком. Кто же виноват в том, что Юрию не повезло в службе? Ответ может быть только один: он сам.

Судя по рассказу Юрия, первые два года морской службы прошли хорошо. Но в конце концов, случилось то, что с ним поступили «нрото» — размазали в матросы, исключили из училища (хотя для этого требовался год). Естественно делать командирам «на зло».

Я не хочу преувеличивать воспитательную функцию старших лейтенантов Телешена Федюнина. Допускаю, что эти офицеры не нашли «на выезде» в себе Юрия. Да и комсомольцы подразделения оказались не в состоянии воспитать Юрия, должны отвечать за свои проступки! Не только должно, но обязан. Честное, добросовестное флотской службе у Юрия не получилось. И беда не в том, что случилось с Юрием. Беда только тогда, если же считает непогрешимым. Именно это и заставило меня написать эту статью, чтобы сказать: ты не прав, Юрий. И я уверен, что новая жизнь, в которую ты сейчас вступаешь, убедит тебя в этом.

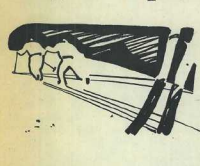
Сталк Юрия Кириллова и Даниила Коменко — их первые поэтические стихи. Пожелал же им отличной службы и хорошего, истинно поэтического слова их первоначальнику перу.

Евг САЕВ

Юрий КИРИЛЛОВ, младший сержант

Даниил КОМЕНКО, рядовой

Уходили парни в разведку

Уходили парни в разведку, ты же, конечно, не затрунул. В березник, по-зимнему редкий,

Шли они получать патроны. Набивали сумки гранатами. Нагревали металл руками. Проверяли сержанты списки — По фамилиям онишкины. Повторяли парни пароли, Поминали: Маршрут их труден... В Белом-Белом онишкины. Повторяли сержантом поле Затерялись белые поля Там, там, где ветка тынула к ветке, Где холодное звезд свеченье... Уходили парни в разведку На учениях.

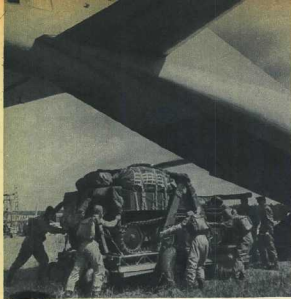

Ракеты

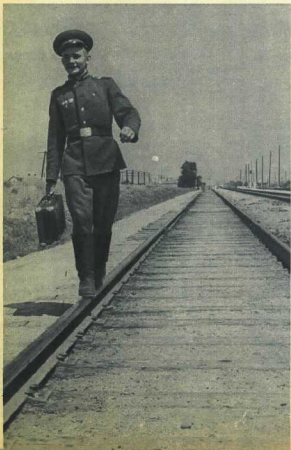
Ночь, влюбленная в звезды, Бьет верный караул. Оцетнились ракеты, Ракетодром.

Длинноручный колютор Тихо шорит во агла, Шарит в звездном бушлате Тшина по зыблю.

Пахнет летом, А гда-то Плавать в море, войной... Встали грозно ракеты, Охраня покая.

СТАРШИНА-СЕРЖАНТ

А БЫВКУ Т...

Ю. АВДЕЕНКО
Фото А. МОРОЗОВА

Рыжая, забрызганная солнцем дорога казалась длиннее, чем раньше, словно вытянулась за год. Мише вдруг захотелось вскопичить на рыльце и быстро-быстро пойти, балансируя руками. Так любила ходить Валя. Она могла ступать по рыльцу и не опираясь на плечо Михаила. Но она протягивала руку, и тогда сердце билось быстрее.

Как перед прыжком... А прыгать всегда невозможно страшно. Это — как идти в рукопашный бой. Михаил не боялся в рукопашном бою. Но люди, которые воевали и теперь учили его боевому мастерству, рассказывали об этом. Большим доверием проникся к ним Михаил Воробьев с первого же дня службы.

Служба началась в бане. Вошли парниши — вышли солдаты... А может, на только казалось, что они солдаты. Позднее Воробьев понял, как много нужно уметь и знать, чтобы называться солдатом.

Все это было так недавно. И вот уже Михаил едет в отпуск.

...Даже не верилось, что все это может случиться. И даже, когда командир части вручил Михаилу отпускной билет, думалось: «А вдруг это лишь сон?»

В жизни часто бывает так... Возвращаясь в родимый край, и горбачая уличка заговорит с тобой, словно старая знакомая. Здесь ты ходил в школу, играл с мальчишками в футбол. Долго будет потом вспоминать Михаил эти минуты, эту знакомую дорогу к посевку крымского совхоза «Гвардейский» — к родному дому.

Последние три года Михаил жил в Севастополе и лишь по субботам приезжал к родным в совхоз. Там, в Севастополе, окончил он училище, а потом работал слесарем-монтажником в бригаде коммунистического труда. Есть у Михаила мечта. Давняя мечта стать хирургом. После школы сдавал он экзамены в медицинский институт. Не прошел по конкурсу. А мечта осталась... Она родилась здесь, среди глазастых пассажиров. Они и сейчас смотрят на Михаила. А Михаил на них...

Вот уже виден дом, бабушка в белом платочке что-то делает в огороде... А потом приблилась мать. Заплаканная и радостная...

Вечером всей семьей — бабушка, дед, мать, отец, сестренка и брат — слушали рассказы Михаила о службе, о товарищах.

Надвигается в садах виноград, лето уже близко. И девушки задумчиво поют вечерами. Валя, жалко, среди них нет. Уехала в Разьву на танцулы. Не знала, что Михаилу отпуск дадут.

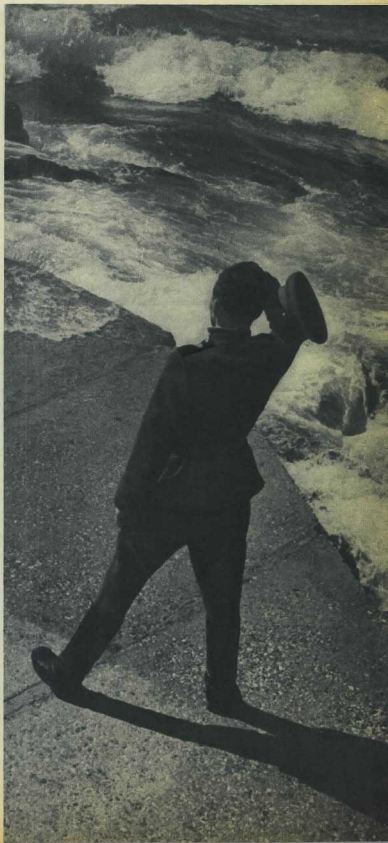
Потянуло Михаила в Севастополь, где он работал до ухода в армию. И вот уже быстрый автобус накатывает на колеса дороги. Симферополь, Бахчисарай... Знакомые места. И ветер пахнет морем.

— Как слухится!
— Ничего.
Неловко как-то хвастаться благодарностями или тем, что недавно в части проходило собрание с повесткой дня: «Стрелять так, как комсомолец Воробьев».

А теперь к морю... Жаль, что, вернувшись в часть, не рассказавших всего ребятам: песню надо слышать, а море видеть — летит брызги, моуные, прозрачные... Океан море. Шумит.

Стоит на набережной молодой сержант. Стоит и слушает море...

Пройдет день, второй, третий... Настанет время возвращаться в часть. Там — отделение. Оно ждет своего командира младшего сержанта Михаила Воробьева.

Сергей АНОХИН,
Герой Советского Союза,
заслуженный летчик-испытатель СССР

МОЕ НЕБО

Это не рассказ и не очерк. Это скорее всего биографическая справка. Ее герой — Анохин. Имя, отчество — Сергей Николаевич. Военское звание — полковник. Профессия — летчик-испытатель. Так значится в анкете.

А в моем сознании это человек-легенда, ибо легендарен каждый день его тридцатитрехлетней летной биографии.

То, что Сергей Николаевич Анохин написал по просьбе «Смены», меньше всего похоже на мемуары. Анохин ставил перед собой другую цель: он хотел, рассказывая о своих товарищах, ссылаясь на собственный опыт, показать юношам и девушкам путь, которым надо идти в авиацию.

Если заговорить с Анохиным о его героизме, он пожмет плечами, улыбнется так, что морщинки побегут по всему лицу, и скажет: «Ты совсем не о том. Чтобы летать, надо много знать, а главное — любить свое дело, жить ради него, только ради него».

Он живет ради своего дела. Потому для нескольких поколений авиаторов он и стал легендой, обретенной реальностью.

Человек-легенда — именно таков автор документальной автобиографической повести, которую «Смена» начинает публиковать.

Бор. СЕМЕНОВ

и не может быть: непрерывного напряжения на полном накале не выдержит ни одна ирраная система.

До следующего изменения в режиме должно было пройти несколько минут, и эти минуты были для меня тем самым временем, когда можно котонуть и набраться сил перед новым этаким. Я свободно откинулся на спинку кресла и передал управление второму пилоту.

И вдруг на щите вспыхнула и погасла лампочка. По спине побежал холодок. А лампочка уже моргала непрерывно: на самолете возник пожар. Тогдашние принадлежности к действительности средства не дали результата. Теперь надо было как можно скорее уводить самолет от населенных пунктов и покидать машину.

— Вы мне слышите? — спросил я у инженера и не дожидаясь ответа, скончался: — Немедленно катапультируйтесь!

А время шло. Покинул машину второй пилот. Мне же надо было в последний раз осмолтреть кабину, зафиксировать в памяти, что в это мгновение «рассказывают» приборы. Огонь стал «хватать» за салоги. Пора. Резко дергну рычаг катапульти. Сникмывсь в ожидании выброса. Катапульта не сработала. (Такой случай — редчайший.) Рычаг еще раз. Ничегого эффекта.

Надо мной фонарь, автоматически открывающийся в момент, когда сработает катапульта. Теперь открыть фонарь невозможно. Правда, можно попытаться перелететь вправо кресло и проглотить себя в открытый люк над местом второго пилота. Так я и поступил.

Высота уже была совсем небольшой. Самолет снижался по крутой спирали, когда наконец я выбрался на фюзеляж. Я старался во что бы то ни стало удержаться на нем, чтобы найти положение, удобное для прыжка, избежать две опасности: удар о стабилизатор и попадание в двигательную установку. Воздушный вихрь пытался сорвать меня с фюзеляжа, а я стремился, ухватившись за антенну, поднатужиться на руках. Один пережат. Второй. Антенна оборвалась. На открывавя парашюта, стремительно леву вниз, подальше от падающей машины. Наконец дергну кольцо. Открывается купол.

Потом я долго раздумывал, как это мне удалось прыгнуть. Спас опыт парашютиста. Именно он позволил верно оценить обстановку. Ведь под куполом я всегда себя чувствовал не как на отработке обязательных и не очень нужных упражнений, а словно под крышей собственного дома.

Я говорю о парашютизме как об обязательном элементе в процессе подготовки пилота, имея в виду не только количественные показатели: много раз прыгнул — хорошо, мало — плохо. Как и во всяком деле, здесь нужно совершенствование на основе вновь приобретаемых знаний. И не только практических, но и в области теории.

Пропиная истину. Но ее нужно повторять и повторять потому, что еще кое-что представляет летчиков как людей, наделенных не столько знаниями, сколько отвагой.

Итак, о знаниях. Еще раз вернемся в Коктебель начала тридцатых годов. Если несколько лет спустя на испытательную работу пришли инженеры, таме, как Марк Лазаревич Галлай, если в последние годы появились поколение энциклопедически образованных летчиков-испытателей — это и Владимир Ильичин, и Георгий Мосолов, и многие другие; если каждый ныне зачисленный в школу летчиков-испытателей обязан до окончания школы получить инженерный диплом, — то именно в Коктебеле начала тридцатых годов были сделаны первые шаги на пути воспитания интел-

лектуального летчика. Именно там впервые постарались решить задачу технического образования пилотов.

У большинства из нас подготовка была, прямо скажем, ниже средней. Это ведь теперь в аэроклуб или в училище приходится ребята со средним образованием. А что в те годы можно было требовать от рабочего пареня, влюбившегося в авиацию? Сама класска — уже хороша!

Математика и физика с их формулами давались трудно. Олег Константинович Антонов, дабы как-то облегчить нашу учебную жизнь, порой придумывал даже стихи. Начальником школы был у нас Синяков. Летал он всегда в очках. Выводит однажды Антонов на доске формулу. «Запомнишь!» — спрашивает. И не дожидаясь ответа, только раз взглянув на Синякова:

Взлекс очков проналет взгляд,
по це-ике — ос-аа — квадрат.

Мы смеялись. Смеется и сам Антонов. Но формула запоминается на всю жизнь.

Тридцать лет назад «инженерные» летчики знали неважно. Допотопная техника порождала другие требования, и в первую очередь смелости и пилотажного мастерства. Особенно славился этим Василий Андреевич Степанчиков. Честное слово, его умение водить самолет было на уровне хореографического таланта Майи Плисецкой. В почерке полета Степанчиков, как и в волшебном танце Плисецкой, всегда был элемент героического. Именно Степанчиков первым в мире сделал на планере «Красная звезда» три мертвые петли.

В моей жизни он сыграл громадную роль. Не буд Степанчиков, может, и не стал бы я испытателем. Василий Андреевич первый предложил мне заняться испытательной работой: ведь кто-то должен был испытывать планеры, призываемые на коктельские слеты.

Планерным делом занимались в то время крупнейшие наши конструкторы и теоретики. Это было вполне естественно, ибо именно в Коктебеле решались в то время многие вопросы теории полета и конструирования летательных аппаратов.

Роль летчика здесь была весьма значительной. Ни один, пусть даже самый точный и четкий расчет не может быть абсолютно категоричным без проверки в воздухе. Летные испытания столь же близки науке, как экспериментальная физика — теоретической. Не случайно испытания именуется в авиационной науке экспериментальной аэродинамикой».

Проверка теоретических положений на планерах имела весьма глубокий смысл. На таком аппарате это получилось легче и дешевле, чем на самолете.

В недалеком прошлом летчикам Нуждину и Пронякину довелось испытывать самолеты на «попадание в грозовую фронт». Но первый запланированный полет и грозы совершил планерист Иван Карташов.

Гроза — страшный враг и для огромных реактивных лайнеров. Ее фронт они стараются обойти во что бы то ни стало. Представляется, какую опасность несут грозовые разряды огромной мощности и воздушные вихри крохотному, безмоторному аппарату!

...Резко и смело Карташов направил планер навстречу туче. Она заполонила полнеба. Сверкали молнии, и сатанинский грохот пронеслся над горками и морем. Используя воздушные потоки, гонимые вперед ту-

Вот так, сидя на обломках планера, бережно сложенных друзьями, я рассказывал, как произошла полет на «разрушение».

Фото тридцатилетней давности. На нем — первый пилотированный самолет «Солд» Феофила Юдина, за ним Николай Симонов, Игорь Шелест, Леонид Минов, Вадим Кошкин, а в Семен Гварий.

чи, Карташов парил вдоль грозового фронта, мчал вместе с ним со скоростью шквала. С земли мы наблюдали этот эксперимент. Планиар казался фантастическим мотыльком — молнии озарили его каким-то красно-сиреневым светом.

Планирист приваливал лишь тогда, когда туча рассеялась. Его расказ о полете раскрыл много особенностей летательного аппарата, был блестящей инструкцией по парашютному полету — простейшему перед грозовым фронтом.

В моей биографии с испытаниями планиаров связаны многие сотни часов, проведенных в воздухе. Пусть никому не покажется, что планиар — старинка, что теплые время самолетов и ракет. Появились модели, но вечно будет жить велосипед. Так и планиар. Почему?

...Это было во время Великой Отечественной войны. Я был призван в армию и направлен в часть, где служили многие знакомые мне планиристы — известные рекордсмены Павел Савадов, Виктор Ильченко, Григорий Малиновский, Всеволод и Михаил Романовы, Павел Еремеев, Виктор Выгонов. Они испытывали десятские планиры и другую технику для воздушного десантного боя. Этим же делом предстояло заняться и мне. Однако на краю нашего аэродрома повисла туча из черных зловещих предков. Судя по тому, какие формы приняла брезент, машина была необычна. И все же, когда брезент сняли, мы все ахнули: под ним было... танк.

Идея применения танка-планиара казалась весьма заманчивой. Пользуясь ночной темнотой, самолет забуксировать танк-планиар к тыловому аэродрому противника, где-нибудь в районе действия партизанских соединений. Неподальку от аэродрома танкист-планирист отдал буксировочный трос — самолет пойдя на базу, а летящий танк спланирует на аэродром. Сборка фаряных крыльев и хвостов оперения, такая машина способна просто-напросто передать сотни самолетов. Добавьте при этом чудесно-пулеметную мощь танка, и вам станет совершенно ясно его разрушительная сила. Закончив операцию на аэродроме, машина отправится к партизанам. Кстати, так и может очень пригодиться.

Этот довод «за». Но были и «против». Опоненты утверждали: «Придя к танку хотя четыре пары крыльев — летать не будет. Как выполнить на нем хоть простую разворот?» Он же бравадой аэродинамических форм.

Его эту самую браваду было предостало пилотировать.

Может, на заре своей легкой работы, увидев летящий танк и услышав, что мне дозволено его испытывать, я тотчас пожелал бы к машине и попросил разрешения на взлет. Теперь я поступил совсем иначе. Сначала я принялся изучать инженерные описания машины, сделанные ее создателем Олегом Константиновичем Антоновым. Из этих описаний очень многое стало ясным. Там, где оставались брешли неведения, я мучил аэродинамика. Это был первый этап подготовки к полету. Потом следовало научиться водить танк, с помощью рычагов удерживать трамвай, надо было почитать литературу и познакомиться с полем. Вот только потом можно было всерьез думать о летных испытаниях. Анализ теоретических и практических знаний, которые я почерпнул во время подготовки, позволял рассуждать на определенное поведение машины в определенных условиях.

...Я докуривая папироску и по старой авиационной привычке тапталываю окурки на землю. Но стояние меня ждет летящий танк. Его пушка развернута назад. Длинный стол смотрит на его скрытый утробным туманом лес.

Около машины инженеры и механики. Тут же Павел Еремеев, командир самолета-буксировщика. Это он дал мне привалившего на аэродроме прозвище — «кляплет летящий черепашка». Это он, подтрунивая надо мной, говорил: «Если в воздухе встретится с фашистскими истребителями, нас надежда на твою «черепашку».

Вот и сейчас он промозгит эти ставшую уже крылатой на нашем аэродроме фразу. Потом идет к самолету. Я открываю тяжелый люк и влезаю в танк.

Через узкую смотровую щель увидишь немного. Правда, вместе с конструкторами мы привалили специальное оптическое устройство, улучшающее видимость. Но и с ним без привычки летать, наверное, будет трудно.

Запускаю мотор. Включая скорость. Звлягая гусеницами, танк подурливал и везу тупового четырехгранного бомбардировщика. Вот уже прицеплен буксировочный трос. В смотровую щель видно, как из-под винта самолета поднялось облако пыли. Буксир натягивается. Длинный, словно змея, трос на глазах превращается в стальной стержень. Летящий танк вздрагивает и трогается с места. Все быстрее и быстрее мы мчимся по полю, до края летящей тучи — машина в воздухе. Выравниваю ее. Мы стремительно набираем высоту.

Легонько трогаю рули. Танк послушно отвечает на мои движения. Все

нормально. Настолько нормально, что я уже думаю о следующем полете, о новой программе испытаний. Была бы только завтра хорошая погода! И வருт:

— Очень греются моторы. Буксировать дальше не могу... Это Павел Еремеев.

Аэродром, к счастью, недалеко. Отцеплю по команде трос, иду на посадку. Стальная «черепашка» отлично планирует на поле. Земля все ближе и ближе. В эти мгновения все внимание летчика концентрируется на том, чтобы «поймать» землю, в метре от нее перевести машину из режима снижения в горизонтальный полет. Но все-таки, занявший этим своим прямым делом, замечаю, что на аэродроме происходит нечто необычное. Никто не бежит мне навстречу. Никто не собирается меня приветствовать. Напротив, все, кто был на старте, бросаются к укрытиям.

Танк касается гусеницами земли. Короткая пробужка. И тут я понимаю, в чем дело. «Летающую черепашку» приняли за фашистский самолет неизвестной конструкции.

Этот полет на летающем танке был первым и, к сожалению, последним. В те время мы не имели самолета, который мог бы благополучно буксировать мою стальную лобовину.

Меня как-то спросили, а почему бы теперь не создать такую машину? Я не военный стратег, я летчик. Мне трудно ответить на этот вопрос. Но думаю: за прошедшие десятилетия военная техника шагнула вперед так далеко, что сегодня «летающая черепашка» не нужна. Если же говорить о том, что вдруг возникнут такие же стратегические цели, очевидно, «черепашку» могут заменить другие летательные аппараты.

Я рассказывал об этом, видимо, единственным в мировой авиационной практике полете с одной целью: объяснить, что в авиации обязательно надо жить сразу по двум разговорам: «Итишь вездь» — дальше будешь» и «Поспешить — людей насмешить». В умении органически сплавить эти разговоры и состоит одна из черт таланта летчика-испытателя.

...год назад на одной из студенческих выставок я увидел построенный ребятами под руководством известного планириста Алексея Пылуха аппарат типа «летающая черепашка». Проблема бесстыдности конструкции волнует авиаторов вот уже добрых три с половиной десятка лет. «Соль» этих конструкций в том, что у них нет фюзеляжа. Ведь когда-нибудь пассажирские места будут размещать в крыльях, а бесстыдность конструкции позволит добиться колоссальной экономичности за счет снижения веса и лобового сопротивления.

В 1934 году в Конткебеле появилась конструкция бесстыдности под названием «ХАИ-2». Ее создатели, перечисляя достоинства своего детища, особенно упирали на великолепную приспособленность машины для парашютных прыжков. В самом деле, при прыжке с бесстыдного аппарата нет опасности удара о хвостовое оперение. Больше того, а аварийной обстановке возможен прыжок методом «срыва». Утверждение требовало экспериментов, и ранним утром мне предложили сплать на «ХАИ-2» и прыгнуть именно методом «срыва». Я с удовольствием согласился, надел парашюта и устроился на заднем сиденье планира, который пилотировал летчик Леонид Рыжков.

Набрали высоту. Вышли в намеченную точку. Я выдернул колесо. За сильной зашурлял шквал парашюта. Колуп битого наполнился, и резким рывком меня сорвало с планира. Он ухнул вперед, и морю, а в спускался на землю. Эксперимент окончился успешно, и все очень этому радовались. До самого обеда толку и было разговором о прыжках «срыва». За этими разговорами я как-то упустил ряд неотложных дел, а потому здорово опоздал в столовую. Там уже почти никого не было. Лишь за одним столиком оживленно спорили профессор Ветчиннин, один из крупнейших наших теоретиков, конструкторы Антонов и Грибский. Дожевывая котлету, я прислушивался к спору. Он шел вокруг анализа расчетов Антоновского планира «Рот-фронт-1». Антонов предложил новую систему расчетов. Ветчиннин с ней не соглашался. Один утверждал, что «Рот-фронт-1» достигнет скорости в 220 километров, попадая во флягеттер и развалится на ошуп; опонент доказывал, что для флягеттера требуется по меньшей мере трехсоткилометровая скорость. «Противники

Снимки 1934 года сделаны
пилотом-наблюдателем Викто-
ром ТЮККЕЛЕМ.

Публикуются впервые.

уже чувствовали, что убьют друг друга на удасть и спор становится бесприметным. Вдруг Антонио посмотрел в мою сторону и спросил:

— Сергей Николаевич, как вы смотрите на такую затею — развалить планир в воздухе?

Это было ровно тридцать лет назад — осенью 1934 года. Стояла чудесная, ясная, нежаркая погода.

Часы показывали половину первого. Я стоял перед столиком, за которым сидели Антонио, Гривисский и Ветчинкин. У меня было несколько секунд, чтобы ответить на вопрос Антонио.

О том, что возможен полет «на разрушение», мне слышать не приходилось. Только много позже я узнаю, что подобных экспериментов никто не ставил ни до, ни после.

— Хорошо, — говорю я. — Хоть сейчас.
Мы идем к старту. Наслугой брови Антонио.

— Еще не поздно. Может, бросить эту затею?

— Все будет в порядке!

— Мой друг Леонид Рестоургуев помогает надевать парашют.

— Лети, брат Сережа. Ни пуха, ни пера!

— Иду к черту!

Прямою подгоном подвесной системы своего парашюта. — И уже, описывая широкую кривую, самолет с летчиком Федосеевым и бортинженером Эскиным еще выше и выше затаскивает планера. Стрелка альтиметра показывает 7500 метров. Заданная высота набрана. Пора отцепить буксирный трос. Самолет резко уходит вниз, в сторону. Я остаюсь в воздухе один — с обломком планира.

Передо мной указатель скорости, стрелка которого застыла на цифре «65». Я хочу сразу представить себе эксперимент от начала до конца, но картина получается неясной, обрывистой, самые интересные элементы испытания «за кадром». Бог с ним!.. Может, доведется увидеть картину подлинному, — 220.

Планир откинул ручку от себя — планир опускает нос. Начинается пикирование. Только так на планире можно достигнуть заветной скорости — двести двадцать.

Скорость настолько растет, на ста сомнедисте долина, пожалуй, повяжется вибрация крыльев. Но ее нет. Четко вижу это, бросаю взгляд на конец крыла. Двести. Дрожания крыльев все еще нет. Земля стремительно несется мне навстречу. Сивист ветра переходит в зловещий гул. На указателе скорости — 220. Крылья начинают дрожать. Вибрация нарастает стремительно. Больше я ничего не успеваю зафиксировать. Чувствую только, что гигантский колуи рубит крылья. Обрывая крыльцевые рамки, огромная сила выбрасывает меня из искалеченной конструкции. Спокойно, Сергей. Фука хватается за вытяжное кольцо парашюта. Спокойно, Сергей. Дергать равно.

Мы летим в единой группе — а обломки планира. Надо выждать момент, когда хоть чуть-чуть эти обломки отойдут от меня. Вот он, этот момент. Обломки проносятся мимо. Я дергаю за кольцо. Шелчок над головой. Потом удар — парашют наполняется воздухом. Смотрю на землю, текущую мимо и прекрасную. Парашют бережно несет меня к ней. Потом озираюсь вокруг. Над головой — серебряное облачко — краска, еще несколько секунд назад покрывавшая мой планир. Облачко висит, будто настающее. Потом уходит к морю.

Сердце колотится часто. Да черт с ним! До земли теперь рукой подать. Готовалось и приземление. Мягкий удар о землю.

Остатки парашюта и по привычке собираю его. Потом, вместо того чтобы идти на аэродром, сажусь рядом с останками развалившегося планира и закуриваю. От стоящей неподалеку палатки бегут люди. Кто такие? Вспоминаю: здесь киноэкспедиция знаменитого режиссера Протазанова. Он набрасывается на меня с отчаянной руганью:

— Соплочи все мая, летчик! Почему не предупредили, что такие испытания будут? Мы бы засняли. Какие кадры потеряны!

Потом совсем мягко:

— Слушай, дру! Повтори эту штуку еще раз.

Полет «на разрушение» относится, конечно, к числу исключительных. И от исключительного трудно рассказывать дальше потому, что исключительные, но очень типичные случаи наиболее яро могут продемонстрировать целесообразность тех или иных поступков летчика-испытателя.

Стоило ли мне идти на эксперимент с планиром? Безусловно. И вовсе не потому, что сегодня я знаю: дело кончилось для меня благополучно. Об эту испытательную стип говорить, рассматривая их не с позиций «оппозко это или нет», а совершенно в другом аспекте.

Могли ли ученые и конструкторы обойтись без эксперимента? Не могли. Гибель одного планира давала enige возможность получить ответ о правоте их расчета на предмет «фронт-аэриона или завалса. Прометеем, гибель которого сулит безопасное небо тысячам самолетов.

Часто приходится слышать один и тот же вопрос: «Скажите, во время

испытательного полета летчику страшно? Я всегда отвечаю: «Нет, не страшно. Летчик знает очень интенсивную работу, на стерж у него просто не остается времени. Он порой даже не успеваю закуривать, пока не рискуют или нет? Эти размышления могут быть разве до или после полета».

Но я обещал рассказывать об исключениях. Кстати, исключения дополняют правила.

Испытания в исключительных условиях пришлось однажды вести моему товарищу по работе — летчику Юрию Гарнаеву.

Это было в период создания первых советских вертолетов, когда провращения на практике их пилотажные качества. Как обычно, новое дело требовало массу ответов на весьма серьезные вопросы. Требовалось вмешательство экспериментальной аэродинамики. В частности, следовало выяснить, как будет вести себя вертолет в случае отказа двигателя.

С самолетом проще. Допустим, остановился двигатель, но у машины есть другие способы создавать подъемную силу: самолет может планировать. У вертолета, как известно, крыльев нет. Престали вращаться лопасти винта — и у машины наместо пропала способность лететь. Что делать?

Конструкторы учитывали возможность такой ситуации. И теоретически выход был найден. По расчетам получалось, что если сразу же после остановки двигателя потоки встречного воздуха начнут раскручивать винт, они создадут так называемую авторотацию. Над вертолетом появится как бы воздушный «парашют». Сегодня это ясно любому авиатору. Но первую проверку — возникнет авторотация или нет — предстояло сделать Юрию Гарнаеву.

— Еще не сошла роса с травы летного поля. Еще росистой испарной покрыв готовый к испытанию вертолет. Гарнаев идет к нему не торопясь. Ему нужны эти минуты, чтобы сбросить внутреннюю напряженность, всегда возникающую при ожидании встречи с неизведанным. Ему нужно как-то время, чтобы полностью подготовить себя к борьбе.

Но... Исключительное предстоящего эксперимента состояла именно в том, что борьба исключалась. Остановив двигатель, летчик должен был ждать результатов. Не бороться, а только ждать.

Гарнаев остановился у вертолета, что-то спросил у механика. Тот пошел поднимать вертолет. Гарнаев ждал. О том, что в расчетах может быть ошибка, и тогда, едва остановив винт, машина начнет падать? О том, как поступить при таком исходе дела? Ведь вращение лопастей, неспособных создать подъемной силы, будет тем не менее достаточно быстрым, во всяком случае, вполне достаточным, чтобы убить испытателя, если он судачит воспользоваться парашютом.

Несведелье душо. Но вряд ли испытатель, какой бы он ни был смелый и мужественный, как бы ни привык к риску, мог в тот момент отказаться от жизни. Потому уже спасла парашют: запуск двигателя, взлет — интенсивный, привычный труд пилота. Вот набрана заданная высота. Остановлен двигатель. Теперь Гарнаеву делать нечего. Можно только ждать. Ждать невероятно долго: если сработает авторотация, должно пройти секунд восемь — десять. Знать, что значит в таком положении десять секунд! По-настоящему, любой испытатель, пережив однажды это чувство ожидания, навсегда получит эйнштейновское утверждение о том, что время — величина относительная.

...А вертолет стремительно падал. Потом падение замедлилось: эксперимент окончился успешно.

И тут мне хочется вспомнить фильм о Валерии Павловиче Чкалове. К сожалению, я не был знаком с этим знаменитым летчиком. Но из рассказов товарищей представляло себе его облик. Так вот, в фильме, о котором идет речь, есть такой эпизод. Валерий Павлович пролетает на самолете над мостом в Ленинграде. Говорит, что самым случай был в действительности. Значит, же появился этот эпизод в фильме? Премонстрировал героизм Чкалова? Но в кинематографической интерпретации эпизод демонстрирует образец... авиационного хулиганства. Летчик рискует разбить машину, погубить свою жизнь. Ради чего? По фильму выходит, что цель состоит в демонстрации самому себе твердости рук и четкости пилотского глаза. Бредовая предположка! Может, она годится для «кохтинских» рассказов, но никак не подходит к правдивому раскрытию сущности характера летчика.

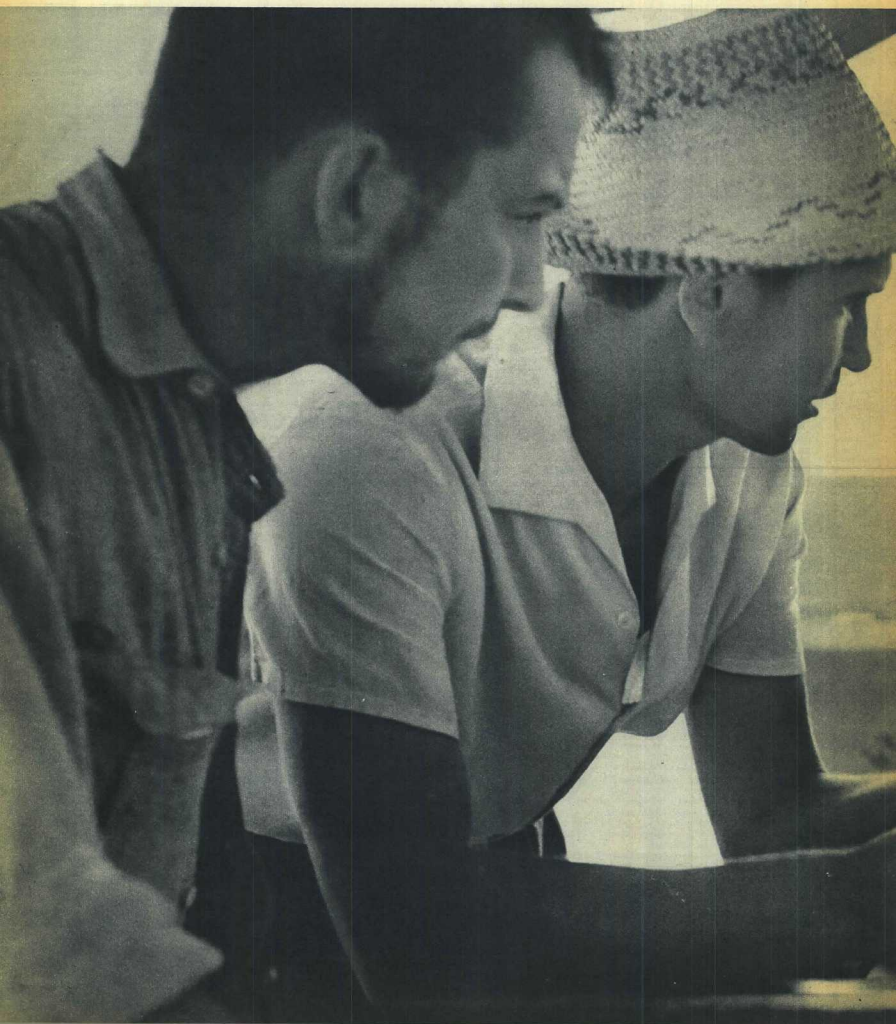
Иной профессии способность идти на риск — дело само собой разумеющееся. Но никогда нельзя пугать благородный, оправданный риск с безраздушным эффектом.

Мужество. Что это за зверь такой? Почему один мужественный, другой — нет?

В риск и невозможность разграничить способность человека идти на риск и мужество. Однако эти сливаются. А мужество, име намется, в первую очередь определяется сознанием долга. Долга перед Родиной, перед товарищами, перед самим собой.

...Вы представляете, что такое испытательная программа? В каждом новом полете пилот предъявляет машине все новые и новые требования.

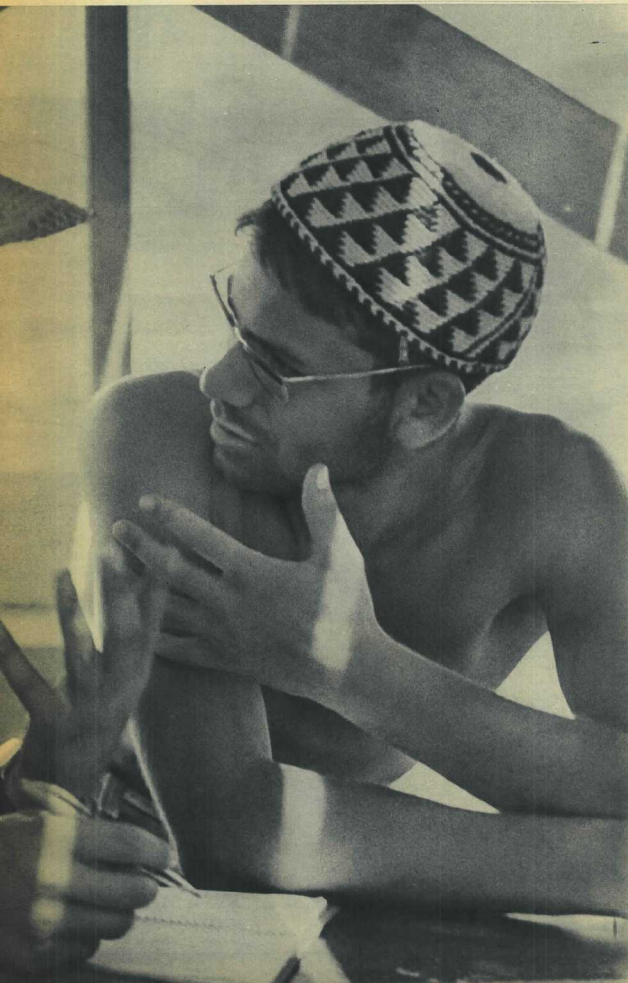
СЕМЕНА ПРОРАС

тают из не

МАРШРУТЫ СОЛИДАРНОСТИ

Фотоочерк Н. РЯСИНА

Деревня, как у людей, — свой судьбы. Они рождаются, живут и умирают. Одни рассмыслили под грузом времени, другие погибли в огне набега, третьи опустели от чумы. Но самые крепкие обростают домами, огороженными тыном, делаются городками, городищами, а потом и городами, столицами. Есть на земле села, пашиня как герон, и села-мученики. Судьба чешской Лидице, французского Брэдара, голландского Стрива была пролита пулеметной огневой эскадрой «революции»: «Вогнать в землю». Но они омыли, их имена не исцелили с карт. Не исцелили и тысячи русских Еремево, украинских Белохатки и белорусских Кобылянки, вросших корнями в папелница родной земли. Осталось и названье Уадмас на карте далекой алжирской Кабнии...

Дорога телеграфной лентой струится меж холмов Б е д а — там называют в Северной Африке эту неровную, в малахмах степь, край оловянных рощиц, каменных откосов и пастбищ, край мирных крестьян, исторы пришлось на долгие семь лет стать солдатами — «иуджакцами». Брала красавка тамные конусом — синь неба гора Дитурдурга, до нее рукой подать. Но это с с самолета. А до ехать еще тридцать пять километров, лишь тогда отвороты скрывают в низине деревня Уадмас.

Семь лет назад по этой дороге шли темные вездеходы со знаками «БГ» на борту, «БГ» — значит Французская республика, но в кузове снаряды парни в белых кельи, солдаты Иностранного легиона, сброд, навариванный по всей Европе. Чужая земля, чужие люди, чужие автоматы. Одно лишь у них есть — деньги. Сменявшие друг друга правительства в Париже платили их за «униртовозрение» алжирских департаментов. За неделю «униртовозрения» мартовом снаряде четыре деревни коммуны Куири. 900 семей остались без крова, более четырех с половиной тысяч человек — женщины, дети, старики.

Семь лет назад перестала существовать деревня Уадмас. Этим летом вновь загудела дорога на Тиз-Узу. Шла молотом машина: тракторы, грузовики. В кузовах сидели парни с дробками и миноматами. Окрестные феллахи радостно махали им руками: то были советские студенты-добровольцы, оказавшие помощь в восстановлении Уадмас. И не с пустыми руками: 15 тысяч кубометров леса, 3 трактора, 4 грузовика, 4 бетономешалки, передовую электростанцию — если они в дар молодой республике от советской молодежи.

Сейчас работа в разгаре. Продавцами слово алжирскому журналу «Менес» («Молодость»): «С горы видны разбросанные по долине черные точки — палатки. Они окружают подвигие Дитурдурга, на шелье заступница, укрывший во время войны немало бойцов Арамии национального освобождения и их семей. Здесь была пустыня, а сейчас молодые деревни ониксовые и фиговые деревья уже храбро отбрасывают тень. Между ними пламенеет красное полотно. Что на нем? «Добро понимайте!» Нет, это само собой разумеется. Слова другие: «Счастье народов — в мире и труде». И в этом томе не остается сомнения, когда глядишь на лица наших братьев, в шортах и майках работающих на большой стройке. Одна семья — 112 молодых парней из Советского Союза, 60 французев, 30 болгар и 150 бывших венталей деревни, синташских раньше по стране. Они больше не безработные, а полноправные строители, получающие зарплату. Нам встретил улыбающийся с бордюрный брат, обучающийся в Москве, и русоловый московский инженер. Внасте мы осматриваем маггар. Вот недавно построенная столовая, там кухня, а здесь что будет? Школа? Здровель И электростанция уже действуют? Право не верится. Вот еще один загорелый и чистое

*Будет где учиться у радиас-
ским ребятишкам.*

*— А может, и правда бо-
лен?*

*Новая женская профес-
сия— «водитель бетономе-
шалки».*

слово, очень похонный на алкирца молодой русский. Его зовут Николай Помонаре. Спешим задать вопрос: — Что ты думаешь о своей работе, и почему тебе пришла мысль приехать к нам?

— Я лучше расскажу вам, как все было. Еще во время зачисления я пришел в факультетское бюро номкомо-ла записаться добровольцем в Алкир. Но я оказался далеко не первым: весь факультет хотя завтра был готов ехать на «алкирскую целину». В результате отобрали тех, кто имеет уже опыт такой работы. Почти все мы трудились до этого на целине в Назадстане, степи которого, кстати, похожи на ваш Блед. Все мои товарищи имеют строительные специальности... И чем больше мы построим, тем больше будем испытывать удовлетворения.

Он хлопалал немного и потом: — Социализм — это строить — нам можно больше заводей для рабочих и жилых домов. Поэтому так важна наша работа. Поэтому мы и чувствуем себя у вас, как дома.

К Николаю подходит алкирский брат.

— Меня зовут Гайбей Дрис — представляется он. — Я на Алкири, Добровольческий труд настолько полюбился мне, что я теперь не пропущу ни одного призыва. Ведь это единственный путь победить нищету. Кроме того, вызвавшись добровольцем, человек сам становится другим, чувствует ответственность за озановане деревне. К тому же я приобрел специальности, став плотником.

Нам встретилось еще несильно братьев, которые говорили нам о том же: о важности их труда для строительства новой жизни, для формирования характера. Затем в разговор вступили руководители лагеря: — К ноябрю, то есть к началу земледельческого сезона, крестьяне Уаднаса смогут приступить к обработке почти одной тысячи гектаров пашни. С полей будут убраны колми и жусор. Конечно, было бы неразумно отдавать эту тысячу га в частные руки. Так что конец строительства совпадает с началом аграрной реформы. В деревне будет 150 домов, мастерские, столовая, спортплощадка, зал для общих собраний, душ, новая площадь... А канов распорядок дня у строителей?

— Подъем в 5 часов, завтрак в 5.30, работа с 6 до 10. Затем мы отдыхаем до четырех: на таком солнце даже мы, алкирцы, не выдерживаем. А потом снова работаем с четырех до семи. С нами трудятся и молодежь. Будущей деревни. Мы постарались широко оповестить об этом в округе, повесили плакаты во всех кафе...

Истия об объявлении. На стене мастерской мы увидели большую лист плотной бумаги с картинками и надписями по-русски. Я спросил, что это. Оказалось, стенная газета «Молодежь мира».

Нам видится, жизнь не замедлит с окончанием рабочего дня.

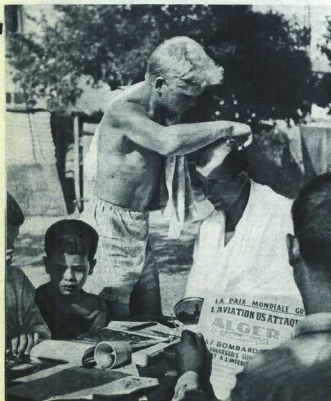
— Говорит комсомольский мастер посере алкирского Бледа, и там же, как где-нибудь в гавловарской степи, звучит русская весня и, поджвеченная горбатыми голосами, несется высоко вверх, к удивленным звездам Кабилии.

Разговор на пальцах может быть долгим и обстоятельным. Но пахота не ждет.

Самая модная стрижка — человичья: модно. Почему, ее вполне компенсирует борода. Если, конечно, вырастет.

«Подмосковные вечера» в Кабилии.

ПАРКЕТКА

ас вышибли из квартиры в Вост. Дие, где мы везли в каренкую игру. И мы от-правились напрямик через горы к Нику, чтобы на Брод-дере по горюгу в такую хо-лодную ночь. Вали впервой снег, пронизывающий ветер, как иномом, резал лицо. Двое или трие прокопели, попикивая на пути, шны, согнувшись почти вдвое и придержи-вая омеивающим пальцами шляпы и полны пальто.

— Зачем ты позволил им вышвыр-нуть нас, Хэл? — спросил Тип. — Ведь по закону каждый может принять участие в игре. Мне случалось прогн-рывать и в лучших местах, чем это. — Тил нагнул на фанерный стол, обернулся и взглянул его ногой.

— Зима — чертовски паршивое время, — продолжил он, — гораздо лучше по домам.

У Ника должно быть натаполе-но, — сказал Я, — пошли, завернем и немю ненадождо.

Ник собрался обычная короткая компания. Все толпились вокруг печки, грея руки у ее раскаленных стоек и косились на высокие Нику и встретили нас на полууги.

— Сегодня зарываю в ямы, — сказал он, — так зарываю, чтобы ступайте по домам, хотя бы для разно-образия, чтобы кто-нибудь из вас не отсюда — обратился к нам.

— Ты хочешь сказать, чтобы мы отсюда — обратился к нам. — Ты хочешь сказать, чтобы мы отсюда — обратился к нам.

— Слушай, Ник, — сказал Я, — как насчет того, чтобы перехватить у тебя доллар до следующей недели. Понимаешь, как все получится: когда я вышел на дому, — сказал Я, — Нинаня жавно сегодня, — первая Бина, я прямо сейчас закрываю. Комо поменяется.

— Если вы не против, инженер Ник, я бы лучше сегодня остался здесь. Я переночую прямо на полу у печки. А то там, где я сейчас, это полотно мое го угла, — оборвал его Ник. — Я сохну не больше одного сошка за всю ночь, — упрямился Комо, — если вы не против, я выйду на улицу.

— Комо, уберешься отсюда не-позже, — сказала Нина, — выветлится и мне. Ты хочешь, да ты пойдешь, домой или еще куда. Переспиваешь понюху теплую ком-панию и остаешься покаянием.

— Пронсик, Хэл, — ткнул он меня пальцем, — тебе надо идти, а не се-годня! Ни выпить, ни закускит, ни попытаться счастья в игровой маши-не.

— Меня сегодня обчистили, Ник, — сказал Я. — Если бы они меня не вы-вели из игры, так в Вост-Дие бы стал на ноги.

Ник пошел плечам и пошел к сте-не, у которой в ряд виселись иг-ральные автоматы. Он пошел рукой вперед и вернулся в каренкую. Где-то можно найти забитую нем-лимо мо-ею.

— Ну и ладно же вы, ребята, — сказал он, — возвращайтесь. — Я бы и добыть денег, было бы что бросить в машину. У Тила за-то подало и вернуло в каренкую не было.

— Что на тебя шарах, Ник? — углядел ят. — Чего тебе, мн? — давай! Пойти и обграть баню? — Ты мне должен уже шесть дол-

ларов, — проворчал Ник, — а у меня одного платили на носу.

— Ладно, придумаю что-нибудь, — сказала Тил.

Комо забрался угол в печь, когда выходящая дверь вдруг распахну-лась. Все поворачиваясь к посетителю в Вигре снега и легкого ветра на дворе стояла девушка.

— Какой черт, — сказал Ник, — кто подбегал к двери и затворял ее. Все упикивал, упикивал девушку у Ни-ка. Я в жизни не слышал, чтобы сюда заходила девушка. Ник держал при-торм для мужчин и парней, тут не было ничего, кроме игральны автома-тов, маточных автоматов и нарочно-ных столов. У будущей стойки по-стояло налад было. Ник и Комо держали выпивку да бутерброды, и ниче-го больше.

Сидя с потерянны видом стоял у входа и дрожал. Снег на столе и около стола в теплом воздухе, ноги были мокрые.

— Кто это? — спросил Тил. — По-моему, она похожа на ученицу джоу. Я ее никогда не встречал.

Вернулся Никмо подбегая в печь еще совок угла, и она стала кругом красной.

Девушка паря, девушка сбегала на улицу, — сказал Тил.

Комо, оборачиваясь и стал ее разглядывать. Девушка отшатнулась, испуганно обернувшись к Ниму и Тилу, чтобы она не вышмыкала на улицу.

— Здесь самое что ни на есть по-следнее место для девушки, сбегав-шей отсюда, — сказал Я.

— Она тут долго не задержится, — сказала Я, — как только поймет, куда пошла.

Тил оглядел лица столпившихся у печки.

— Не хотел бы я увидеть, как... — Ник что сказал, и Тил зашел, и Тил зашел, что расслышал.

— Если кто-нибудь станет и ней приставать, — сказал Я, — то я порабо-тую деру, чтобы она не вышмыкала на улицу.

Тил не обратил внимания на мои слова, он подошел к двери, чтобы по-глядеть, что говорит Никмо. Девушка достала платок и вытерла глаза. Я слышал, как плачущая или шестидцатая, и выглядела она немно-го красивее любой девушки на этой улице.

— Проголодалась? — спросил Ник. Она покачала головой.

— Она зашла постель, думая, что здесь надо. — Комо! — крикнул Ник. — Прине-си нам кофе и пару бутербродов, да? — Да, сэр! — Никмо поглядывая печь, прежде чем нытнуться к буфету. Ник повернул девушку за стойку, усадил ее на стул, а сам сел рядом, обнял и взглянул на нее. Она была так же, как и другая друг друга, иная на Нина и девушку. Когда она разгелр жено, Ник спр-осил, как ее зовут.

— Марта Диейн, — ответила та без колебаний. Ник подсел ближе.

— Марта Диейн, какая девушка, и на глазах у нее выступили слезы. Ник вынул доллар, он больше ни о чем не спрашивал. — Она кончат есть, дай ей совок торта. Комо, — сказал Ник, под-нимаясь.

— Торта у нас нет, мистер Ник, — заметил Комо.

Диейн, и потирая руку. Вернувшись и печке, он оглядел вокруг и, как ни в чем не бывало, сказал:

— Ой рад, ребята, проваливаться отсюда давай, или еще куда. На се-годня хватит.

Никто не тронулся с места. Ник от-шаивался к двери.

— Когда приходишь сюда носом, при-неси мне кофе, который я тебе по-доблен, — сказал он.

— Какого черта, Ник? — удивился Ник. Ты никогда не говоришь мне слова с долгами, что на тебя нашло?

— Ты же знаешь, что я никогда не сказал Ник, — будто тебе повелости в большой кирпичный дом и посидишь на уютном стуле, а потом тебе надо самому заботиться о своем де-ле.

Некоторые направились к выходу, но комнату не покинули. Ник отшли-нул и меня.

— Куда так торопились, Ник? — спросил Комо.

— Это не твоё дело, — ответил Ник, — когда увидишь девушку.

— А когда увидишь девушку? — Марта Диейн оставалась здесь.

— Она зашла сюда, что-ни-будь пернутила. Она мне никуда, но я не хочу, чтобы с ней обращались, как с ученицей джоу.

— Она хочет доброты, — сказала Комо. — Она хочет доброты, — сказала Комо. — Она хочет доброты, — сказала Комо.

— Когда ты приходишь сегодня до-рой, тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

ном дивину меня по разово. Оннулся я на полу и не сразу позаврал, где бы сидеть. Я не хотел, чтобы кто-то делал Тил, но понял, что он не может сидеть на полу. Я сидел на полу и Марте Диейн, расстегнул ей пальто и полез под пальто руной. Он сидел на полу и Марте Диейн, расстегнул ей пальто. Поднявшись на ноги, я не знал, что делать. Я сидел на полу и Марте Диейн, расстегнул ей пальто.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

— Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо. — Ты же знаешь, что тебе надо найти кому-нибудь работу, — сказала Комо.

Перевел с английского на русский язык В. АРОНИНА

Рисунки В. АРОНИНА

О С Е Н Ь

Эплен НИЙТ

В ливнях осенних,
В желтых растеньях
Лето исчезло вдали за холмами.
Лес попрыгает,
Шумно вздыхает.
Коңчился праздник — листва под ногами.
Небо — огромная
Птица бездонная.
Сгорбились ельнички, в рощах — молчанье.
Прямо под окнами
Крыльями мокрыми
Алый цветок помахал на прощанье.

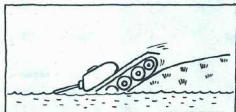
Перевела с эстонского
Ю. ЖОРИЦ

Фото
В. АРСЕНЬЕВА,
В. ГИПЕНРЕЙТЕРА,
Л. ШЕРСТЕННИКОВА

СТАРШИНА-СЕРЖАНТ

ОДНАЖДЫ НА МАНЕВРАХ

К.

СОЛДАТСКАЯ СМЕКАЛКА

ПЕСНЯ ДЛЯ НАС

Виктор СНИГИРЕВ

Фото М. МУРАЗОВА

Любой эстоничкой афиши в Москве не видели давно: Дворцы спорта — концерт Муслима Магомаева. Надо быть очень большой знаменитостью, чтобы так споконной и коротко сообщали о твоих намерениях пристрасть перед залом на 17 тысяч зрителей. Американский билет на льду, выстужавший в этом же зале, ренжамировал себя куда более громко, но билеты все-таки были. На два концерта Магомаева билеты распроданы полностью, и их еще не хватало.

Знаменитости — 22 года. Знаменитость — симпатичный и ослепительно красивый юноша в черной рубашке и синих джинсах, типичный студент по внешности и по манерам. Солист Азербайджанского театра оперы и балета Комсомолец Муслим Магомаев еще не привык к интервью, еще не умеет говорить главные фразы «о своем творческом плане», да и «планы» у него всего один:

— Я очень хочу петь, как можно больше и как можно лучше. Потому что я очень люблю петь. И чем больше Муслим поет, чем известнее становится, тем больше занимается, чтобы «петь лучше».

Полуакадемический тип надутого «любимца публики», отупевшего от славы «оперного премьер», отошел в прошлое. Наши новые оперные «звезды», а их сейчас столько-то целая планета, — это такие же молодые спонтанности, каких можно встретить среди геологов, конструкторов или физиков. И все же Муслима Магомаева в его 22 года можно назвать оперным премьером и любимцем публики, только без кавычек.

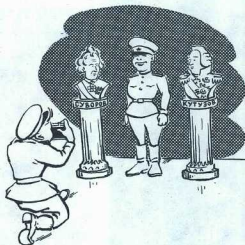
Спросите на радио, спросите на телевидении. Вам расскажут, сколько тысяч писем приходит с просьбой «запеть» полюбившегося артиста. Но вам тут не скажут, что стоит артисту заняться, начать халтурить, пренебрежительно относиться к тем, кому адресовано его искусство, количество писем резко падает. Сегодня поэт Муслима Магомаева бьет рекорд, и в Муслиме есть что-то такое, что внушает уверенность: это надого.

Муслим с рождения был «посвящен» музыке, но никто не сомневался, что он станет певцом. Азербайджанской государственная филармония в Баку носит имя Муслима Магомаева: это его дядя, замечательный азербайджанский композитор, автор первых национальных опер. И маленького Муслима мамами, разумеется, учить музыке. Возмуж — артистическая среда, внимание к каждому шагу мальчишки, но жизнь не была легкой. Год рождения — 1942-й. Война. Отец — художник, но в те суровые годы он стал солдатом. И погиб за несколько дней до победы. Мать — актриса, она все время занята, все время в разъездах.

Мальчик учился играть на рояле, а чувства, которые зрели в сердце, искали в другом выходе — искали более непосредственного выражения. Вот тогда он зашел. Еще не думая о пенсии — как о профессии. Рядом с музыкальной школой — клуб моряков: здесь состоялся первый дебют Муслима: очень хотелось спеть для собравшихся здесь замечательных людей. Муслим все еще записывал на фортепьяно и пробовал симы в сочинении музыки, но пенне увлекло все больше и больше. Любителям музыки нравился его красивый голос, а ему самому нравилось, что от хорошей песни люди становятся бодрее, жизнерадостнее.

— Мне нужно донести до слушателя не голос, а исполняемую вещь, — говорит Муслим. Это — мессалине активно воздействовать на людей. С этого желания и начинается искусство. Но голос — тонкий и сложный инструмент, и

См. 4-ю стр. обложки.

Рисунки И. КУВЕРСКОГО

БЕЗ СЛОВ

Рисунки В. ТАМАЕВА

НА ПРИВАЛЕ — «ЛЮБИТ — НЕ ЛЮБИТ»

ЭТО-МОДНО

В самом начале нашего разговора о моде осени и зимы 1964—1965 гг. кому-то из читателей журнала, что цель мой — дать самое общее представление о моде сезона, о наиболее характерных ее особенностях, деталях. Более подробные сведения вы можете почерпнуть из журналов мод, которых у нас выгустало вполне достаточно. Из них наиболее интересны издания: «Журнал мода» и «Мода сезона» (Москва), «Силуэт» (Таллин).

От читателей «Силуэт» я получил много самых разных по содержанию писем, почти в каждом из них — просьба прислать рисунки новых моделей одежды, головных уборов, обуви.

Я постараюсь сейчас ответить на некоторые вопросы.

В настоящее время мода несколько «успокоилась», она обрела естественную форму с четкими, довольно определенными линиями. Простота, сдержанность с игрой фантазии, — вот как можно охарактеризовать моду сегодня. Поскольку силуэт не изменился, то, естественно, художники-модельеры сосредоточивают творческую энергию на разномощии деталей, ищут новые цветовые сочетания, комбинируют различные фактуры и цвет тканей. Идет поиск нового композиционного построения, много внимания уделяется вышивке и отделке.

Но, как говорит народная мудрость, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

ПАЛЬТО:

СИЛУЭТ — полуприлегающий доминирует.

ТКАНИ — многофактурные, многоцветные, различной по рисунку.

ЦВЕТА — все оттенки старого золота, гамма коричневых тонов, все оттенки белого (цвет теплого моря), верески, яичной скорлупы и т. д.; сочные красные, как теплые, так и холодные оттенки, синий, цвет глины, норы или, сосны. Воротники у зимних пальто чаще пушистые, но с небольшими ворсом.

КОСТЮМЫ:

Эта форма одежды, безусловно, получила наибольшее признание.

СИЛУЭТ — как строгий, полуприлегающий, так и прямой, свободный, спортивного характера. Много пуговиц. Застежка односторонняя, но чаще двусторонняя, карманы накладные с клапанами, прорезные с клапанами. Форма клапанов и карманов разнообразная.

ТКАНИ — облегающее сукно, трико, букле, специальные костюмные ткани с примесью синтеттики, трикотаж.

ЦВЕТА — сложные зеленые, синие, коричневые, оттенки чайной розы, золотистые, цвет сливы.

ОТДЕЛКИ:

Текстильная тесьма, вышивка в цвет ткани, мех, кожа, трикотаж.

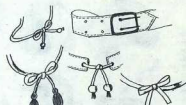
Очень хороши белые воротники, которые могут украсит норским и платые служебно-делового характера и вечерние туалеты. Форма воротников и нарядных платьев очень интересна и нова. Они напоминают кружевные лепестки. Выполняются они из легких шелковых тканей, тканей с искусственными волокнами, тканей типа органди, туалы, шифон, капрон, поплин.

ЧУЛКИ:

Новинкой является вязаные чулки, просто шерстяные и шерстяные с шелком. Вязка довольно рельефная, но нить при этом не толстая. Чулки-гольф хорошо сочетаются со спортивно-деловой одеждой. Цветовые ре-

шения — от сплошных синих-серых тонов в повседневной одежде до желто-коричневых, табачно-зеленых и красно-золотистых — в спортивной одежде.

ПОЯСА:

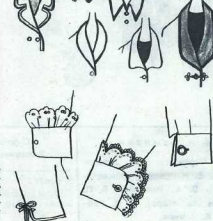
Как широкие кожаные, так и узкие, плоские, мягкие, полса-рулины.

УКРАШЕНИЯ:

Днем остаются дерево и неяркие металлические украшения, бусы и броши — только и вечерних туалетах. Входит в моду пассиве, но вычурные серьги.

СУМККИ:

Разнообразны и еще раз больше разнообразны. Новинка — сумки небольшие, дутые, из длинной ремне или с жесткой короткой ручкой.

ОБУВЬ:

Для улицы обувь становится более устойчивой, каблук небольшой, довольно толстый, носок узкий, чулки прилегают сверху. Короткие закрытые ботинки, полсапожки и сапожки сезона переходят прошлого сезона.

П Л А Т Ь Я :

Облегчение спереди ярко выражено, но при этом силуэт за счет свободной спинки сохраняет легкость. Большое разнообразие форм воротников, оформление низа рукавов, талии, застёжки.

ТЯНИ: выбор неограничен, много пальтовых, но легких и мягких тканей.

Ш Л Я П Ы :

По-прежнему модны береты самых разнообразных форм, чаще трикотажные, выполненные крупной фактурной вязкой. Остаются шляпы из натурального меха, нам пушистого, так и гладкого.

Популярны платки и косынки из той же ткани, что и пальто, отороченные мехом, разнообразно покантанные.

В мужской одежде больших изменений не произошло.

Напомним, что пиджаны становятся значительно длиннее, наметено слабое прилегание и талии. Брюки — узкие по всей длине, чуть расширенные внизу (21—22 см). Пальто — стройного силуэта с потайной застёжкой, без пояса.

Заметно существенное облегчение в мужской одежде. Исчезли жесткие плечи у пальто и костюмов, исчезла сухая обработка груди.

ЦВЕТА: большая гамма серебристо-серого, норичиновые, зеленые темных тонов, цвет слюны, бордо. Вот, пожалуй, и все основные новостки моды нынешнего осенне-зимнего сезона.

Художник-модельер
В. ЗАЙЦЕВ
Рисунки автора

П Р И Ч Е С К И :

Жену порадовать девушек: мучительная процедура с начесыванием волос отошла в область предания. Прическа необходимо естественно — вьюс, модны короткие стрижки, без завивки. Вечерю волосы прямые на пробор или без него, сделан уложенны в локоны или косу. Девушки полюбил украшать прическу лентами, маленькими бантами, порой это малогабаритная деталь в костюме.

Ц В Е Т В О Л О С :

Чаще естественный, если красите — светлая блондинка с пепельным оттенком. Но живой цвет волос лучше.

Первая страница обложки, портрет Муслим МАГОМАЕВ, фотографии с модной ляде см. на стр. 30 и четвертой стр. обложка.

Фото М. МУРАЗОВА

П И Ш И Т Е Н А М П О А Д Р Е С У :

Москва, А-47, Бульварный пр., 14.

З В О Н И Т Е П О Т Е Л Е Ф О Н А М :

Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — В 6-61-63; отдел очерка и публицистики — Д 3-31-03; международной жизни — Д 3-31-50; фотосъёмки и спорта — Д 3-30-87; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-69; информация — Д 3-31-69; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Самошкин.

Редколлегия: Ю. Н. Верещаго, Е. А. Долматовской, К. Н. Замощиной, Е. М. Иванов (заместитель главного редактора), В. А. Чечетов, Б. П. Краевский (ответственный секретарь), Е. И. Рибчиков, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова.

Технический редактор Н. Вудина.

А 90487. Подписано и печатано 15/Х 1984 г.
Тираж 1.150.000 экз. Изд. № 1878.
Заказ № 2710. Формат бумаги 70X108%
2 бум. л., — 5,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

С ребашки написан

ду я ве червей по ро ю, вот новый наш дом три окна гурты вышине.

но. я зна ю, что ты же до ма и это наш свет на седь ном эта же.

Для вокального | Для фортепиано

свет на седь ном эта же. 2 Но у ж э з.

НА СЕДЬМОМ ЭТАЖЕ

Слова Юрия ЦЕЙТЛИНА
Музыка Павла АЕДОНИЧКОГО

Иду я бульваром знакомым.
Вот новый наш дом,
Три окна горят в вышине.
Я знаю, что ты уже дома,
И это наш свет
На седьмом этаже.

Немало дорог за плечами
В пургу и мороз.
На Амуре, на Иртыше.
Там песня шагала за нами.
И это наш свет,
На седьмом этаже.

Там сын наш,
Ты в нем повторился:
Улыбка и взгляд,
Все твоё живёт в малыше.
Хочу я, чтоб солнце приснилось
Ему в этот час
На седьмом этаже.

Иду я вечерней порою.
Вот новый наш дом,
Три окна горят в вышине.
Лену я на небо седьмое,
Где ты меня ждёшь
На седьмом этаже.

КРОССВОРД

Составили А. ИВАНОВ, В. ТРЕГУБОВ
г. Магнитогорск.

- По горизонтали:**
- Высшее учебное заведение.
 - Немецкий композитор.
 - Рева, в долине которой прославились Сляпяйские игры в Древней Греции.
 - Опера В. Беллини.
 - Русский ученый-ботаник.
 - Громкоговоритель.
 - Тип винтовки.
 - Автор поэмы «Неистовый Роланд».
 - Областной центр РСФСР.
 - Промысловая рыба.
 - Самый легкий газ.
 - Русская народная песня.
 - Мелкопоместный дворянин в Испании.
 - Описание жизни человека.
 - Горная страна в Западной Сибири.
 - Жанр художественной литературы.
 - Советский авантюрист.
 - Наука о строении животного организма.
- По вертикали:**
- Сходство между предметами, явлениями.
 - Оценки знаний учащихся.
 - Советский мурзилка для детей.
 - Украинский поэт, революционер-демократ.
 - Старинный русский город.
 - Сатирическая поэма Г. Гейне.
 - Русский баснописец.
 - Советский композитор тринадцатых строк.
 - Круглый лавильон, бесседна.
 - Стихотворение в тринадцатых строк.
 - Тамеш.
 - Рабочая специальность.
 - Мореплаватель XVI века.
 - Видоизменение музыкальной темы.
 - Старинный экипаж.
 - Вид политической деятельности.
 - Герой романа И. С. Тургенева «Накануне».
 - Судно специального назначения.

- ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19**
- По горизонтали:**
- Хельсинки.
 - Бетто.
 - Брасс.
 - Середина.
 - Герания.
 - Томск.
 - Ирлан.
 - Мопот.
 - Дония.
 - Трава.
 - Пресс.
 - Напада.
 - Толмач.
 - Япония.
 - Бревню.
- По вертикали:**
- Латыния.
 - Норвегия.
 - Андерсон.
 - Астахова.
 - Ренорд.
 - Шешова.
 - Брумел.
 - Азария.
 - Иванов.
 - Рылова.
 - Бласа.
 - Парин.
 - Спарт.

Со стр. 30.

чтобы владеть им, мало желания и мало природной сдержанности. Нужен умный педагог, тонко чувствующий индивидуальные особенности «материала». Муслиму поставила голос преподавательница Бюканской консерватории Зусанна Миназли, и сделала это мастерски. С. Микаэлян научила его понимать свой голос, свободно владеть им, не быть его рабом. Потому-то певец и может теперь позволить себе думать не о голосе, а о пении, о смысле исполняемой вещи.

В восемнадцатый лет Муслими начал работать как профессиональный певец с астралинским оркестром. Простые песни, веселые и грустные, С. них нашлись успех. И, конечно, первой заметил Муслима молдаване, Простой парень, сверстник. Он такой же, как мы, и он поет для нас. Комсомол послал Магомаева на Всемирный фестиваль «Молодежь в Хельсинки».

В финской столице певец из Азербайджана на четырех языках пел песню «Хотят ли русские войны». Он не думал о голосе. Он думал о войне и мире. «Спросите тех, кто воевал...» — он спрашивал отца, которого ему не довелось увидеть. Он пел «Буэнавальдский набат». Он призывал молоденькой всей земли: берегите мир.

Магомаев вернулся из Хельсинки лауреатом.

В Баку он продолжает учиться в консерватории и одновременно поступает на работу в оперный театр.

Начинается новая жизнь. Молодой оперный артист зарабатывает гораздо меньше, чем солист астралинского оркестра, но не это было для него определяющим. Труднее другое: после запитой огнями астрали, где ты ценишь внимание и похвалу порой неслышное по музыкальному материалу исполнение которое легко усваивается саулхетями, нелегко привыкнуть к исполнению восторженных рож в оперных спектаклях, где иногда на твою долю приходится лишь небольшой репертуар. Но хорошо исполнить этот репертуар в ансамбле других солистов, хора и оркестра — задача куда более сложная, чем сделать зрелищный номер на эстраде. В музыкальном развитии артиста-певца эти трудности как раз и означают шаг вперед, и дальше не один шаг, а целый этап. У Муслима — наступивший оперный голос, и хотя он по-прежнему любит популярные песни и будет их исполнять всегда, только в опере он может дать все, на что способен. А это и есть его цель. Не довольствуясь первой славой, первым признанием, а постоянно совершенствуется.

Наряду Муслими получил замечательный подарок: его в числе других советских молодых певцов послали учиться в Италию, на стажировку в знаменитый миланский оперный театр «Ла Скала». Теперь Муслима много и с увлечением рассказывает об итальянской архитектуре, которая его пленяла. о миланских великих мастерах, которых он восхищается в музеях, о природе Италии и ее приветливом народе, но главное он оставляет под комед.

— В «Ла Скала» великолепные педагоги. Они очень внимательно отнеслись ко мне. У меня расширился диапазон голоса, а специальные упражнения дали мне возможность без особого напряжения петь пароду.

Знали бы вы, как дорожит Муслими этой возмож-

ностью! Молодой человек с широким кругом интересов, любитель литературы, живописи, спорта, он не менее хотел бы петь с утра до ночи. Заставить его петь «на бис» проще простого.

— Особенно я люблю петь для молодежи, для студентов. Люблю смотреть в зал и видеть, как люди слушают.

Ну что ж, он хочет петь, а мы хотим его слушать. Полное взаимное согласие. Телефон у Муслима звонит беспорядочно. Его зовут в детский мест сразу. Я он хотел бы побывать всюду, куда его зовут. Но...

— Надо еще заниматься.

Всесоюзная слава пришла к Муслиму. Как известно, после азербайджанского концерта в Кремлевском Дворце съездов, который передавался по телевидению. Вскоре состоялся и первый сольный концерт Магомаева в зале имени Чайковского. Был большой успех. Но были и критические замечания. Муслими помнил их, тогда отправился в Италию, помнит их и сегодня. А если бы замеча-

ний и не было, то один суровый критик у Муслима есть всегда — это он сам.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как Муслиму начали поручать роли в оперных спектаклях, а он уже исполнитель, главных партий в Бюканской опере. Такие взлеты не все переносят легко. Слава опасна. Даже не тем, что она может «испортить», а тем, что она может пройти, как проходит мода. Что тогда? Человек, который жил своей славой и больше ничего не имел за душой, становится смущенным и малым.

Муслима Магомаев не знает славы, потому ему она не опасна. Он живет своим искусством, своей любовью к людям и к пению, своей любовью и аплодировали, интим бы похвалили его не награждали, — он всегда будет стремиться отдавать больше, чем получает.

Он молод, у него еще все вперед. Значит, и у нас с вами вперед новые встречи с человеком, который любит петь для нас.

